

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ И СУДЬБЫ ФИЛОСОФОВ ПРИ СТАЛИНСКОМ РЕЖИМЕ

С.Н. КОРСАКОВ

Состояние Института после идеологического погрома

Философ – опасная профессия. Два условия питают её развитие: независимая критическая мысль и собственное достоинство личности. Они дарят философу счастье постижения мира, и, в то же время, предуготовливают ему драматическую судьбу. Не было в истории такой власти, которая бы по природе своей могла терпеть свободу критической мысли, и не было такого общества, которое прощало бы личности принципиальность и достоинство. Быть философом, означает ставить под вопрос сами основания бытия человека в мире, плыть в океане мысли и дела самому, без поддержки спасательных средств, опираясь на собственный разум и нравственное чувство. Все другие сферы культуры так или иначе укореняют человека в бытии: наука открывает тайны Вселенной, искусство дарит наслаждение, религия оставляет надежду на заботу со стороны высших сил, а техника и магия предоставляют возможность переустроить мир так, как это удобно человеку. И лишь философия выбивает человека из колеи привычных представлений, заставляет думать самостоятельно. А жить в доме, где взяты под сомнение не отделка или обстановка, но фундамент – неуютно. Философ обречён на поиск новых вариантов осмысления мира и обустройства в нём человека, и должен, как говорил Ламетри, зная это по собственному опыту, «писать с благородной смелостью, или же ему придётся пресмыкаться подобно тем, которые не являются философами»¹. Потому неизбежны как его столкновения с властью, так и неприятие его со стороны тех ограниченных людей, кому философом быть не дано. Поэтому и преследования, и гибель философов за свои убеждения не представляют собой ничего исключительного, а оказываются почти нормой и встречаются во все эпохи, и тирания демократической системы отличается не меньшей неумолимостью, чем у деспотического правления. Зенон Элейского истолок в ступе тиран, а Сократ был приговорён к смерти голосами присяжных-сограждан. Философ всегда на подозрении.

Но бывают времена, когда конфликт философа и власти, философа и общества, не остаётся каким-то единичным случаем, но становится характерной чертой эпохи, выражает её суть, и тогда судьба обрушивается не на какого-то одного символического героя, вроде Бозция, Бруно или Радищева, но на философов вообще. Массовые репрессии в отношении философов становятся судорожной попыткой власти успокоить возбуждённое чувство самосохранения. Домициан казнил, либо выслал из Рима и Италии всех, кто занимался философией и преподавал её, ибо популярный тогда стоицизм, укреплял в людях нравственную независимость и требовал от

¹ Ламетри Ж. О. Сочинения. М., 1983. С. 451.

правителя ответственности перед обществом. Цинь Шихуан приказал сжечь гуманитарную литературу из частных собраний, закопать живыми, либо выслать в приграничные районы сотни философов-конфуцианцев, так как считал, что их идеи о приоритете этических способов регуляции общественной жизни над административными, могут стимулировать неповиновение. Внутреннее, идейно мотивированное непризнание несправедливой власти, и сообщаемая этой идейностью стойкость, куда опаснее прямого политического протеста, поскольку способны дать мировоззренческую санкцию всякому такому протесту.

В этом ряду следует рассматривать и то, что произошло с философией и философами в 1930-е гг. в нашей стране. Царская власть преследовала материалистическую философию, советская – идеалистическую. Однако ни та, ни другая, преследуя философов, как правило, не покушалась на существование философии в культуре, не уничтожение её специфики. Но для сталинского режима настоящий философ, как человек по определению самостоятельно мыслящий и нравственно стойкий – не мог быть терпим. Почти все, кто пришли в философию в 1920-е гг. и оставили в ней след своих дум и исканий, стали потенциальными смертниками. Немногим из них удалось остаться верным себе перед лицом неминуемой гибели, но и большинство из тех, кто старался выжить ценой отказа от себя, ждала та же печальная судьба. Они оказались, по словам Сталина в роли «навоза», который «надо разворошить, перекопать», их нужно было «бить по всем направлениям, и там, где не били»¹. И их били, превратили в «навоз» и закопали. Но горше всего было для них то, что уничтожали их во славу той самой марксистской философии, которой они были преданы, и из которой, выхолостив творческое содержание, деспотическая власть оставила лишь мертвящие формулы, пригодные для обоснования своего господства.

Говорить о философии в 1930-е годы, значит, прежде всего, говорить о трагических судьбах философов в условиях политических репрессий. Философская жизнь деградировала неимоверно, и это хорошо видно по тому состоянию, в котором находился в то время Институт философии. После разгрома «диалектиков», сопровождавшегося последним ударом и по «механистам», Институт уже не мог поддерживать прежнее качество развития. Ряд сотрудников был арестован, некоторые были высланы, некоторые уехали работать в провинцию сами, остальные были уволены. Н.А. Карев, П.Ф. Сапожников, В.Н. Слепков сидели в тюрьме, Я.Э. Стэн находился в ссылке, Г.К. Баммель, И.П. Подволоцкий, А.И. Рубин преподавали в провинции, В.Ф. Асмус, уволенный и из Института философии, и из МГУ, «вёл научно-исследовательскую работу по договорам с Соцэкгизом». Не было людей, которые могли бы выполнять задачи, поставленные при создании Института философии.

¹ Квасов Г.Г. Документальный источник об оценке И.В. Сталиным группы академика А.М. Деборина // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. 10. М., 1992. С. 193-195.

Директором Института философии Комакадемии, а после включения в 1936 г. учреждений Комакадемии в состав АН СССР, директором Института философии АН СССР состоял В.В. Адоратский. Одновременно он занимал куда более значительный пост директора Института Маркса, Энгельса, Ленина, и был, кроме того, пожилым и больным человеком. Поэтому, как свидетельствует Л.А. Коган, хотя В.В. Адоратский и «числился директором», «я его ни разу не видел»¹. Первым заместителем директора, фактически принимавшим решения, был М.Б. Митин, который «был малодоступен для простых смертных»². Вторым заместителем был М.Д. Каммари, учёным секретарём Института – Ф.В. Константинов. Таким образом, руководство Институтom находилось полностью в руках группы победителей в «дискуссии» «за большевизацию на философском фронте». Это были люди, только что окончившие Институт красной профессуры, и не блиставшие ни знаниями, ни талантами. Главным их достоинством была личная преданность Сталину и готовность проводить в философской сфере любые партийные решения. Среди сотрудников Института полностью отсутствовала та генерация марксистов, которая выросла на философских спорах начала века, и которая так ярко проявила себя в 1920-е гг. как на стороне «диалектиков», так и на стороне «механистов». Согласно составленной в 1934 г. справке, в числе сотрудников не было ни одного с партстажем до 1917 г., семнадцать человек вступили в партию в 1917 – 1921 гг., пять – начиная с 1922 г.³ Показательно, что в этом статистическом обзоре не посчитан старый большевик В.В. Адоратский, что говорит о чисто формальном характере его руководства Институтom. Секретарём парторганизации Института был знаменитый З.Я. Белецкий, который впоследствии будет держать в страхе всех академиков от философии, и из группы М.Б. Митина, и из группы Г.Ф. Александрава.

По прежнему, одной из основных форм научной работы сотрудников Института были доклады перед коллегами по актуальным вопросам философии. В сравнении с темами докладов, которые готовили сотрудники Института в первый, деборинский период его существования, весьма показательны темы, разрабатывавшиеся сотрудниками Института теперь. Приведём их: М.Д. Каммари – «Сталин как материалист-диалектик» и «Политика и экономика в переходный период», Ф.В. Константинов – «Экономические основы уничтожения классов», П.С. Черемных – «Ликвидация кулачества как класса», Е.Ф. Муравьёв – «Преодоление религии в колхозной деревне», И.Г. Каплан – «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». Комментарии, как говорится, излишни. Более или менее философскими можно признать лишь темы В.К. Брушлинского «Проблема познания внешнего мира в современной философии», Т.Д. Павлова (П. Досева) «Теория отражения», а также В.М. Познера «Борьба

¹ Коган Л.А. Из биографии дома-на-Волхонке // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 27.

² Там же.

³ Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 962. Л. 26; Ф. 355. Оп. 3. Д. 24.

материализма и идеализма в XVII – XVIII вв.», М.Ф. Якобсон о Декарте и Г.П. Адамяна по историческому материализму.

Совершенно изменилась, по сравнению с первым, деборинским, периодом, структура Института. В Институте не осталось ни секции диалектического материализма, ни секции исторического материализма, ни секции истории философии, ни секции современной философии. Этому можно было бы поражаться, если бы не знать, в какой ситуации оказался Институт после поголовного разгрома его прежних кадров. Разумеется, ни о каком выпуске «Философской энциклопедии» в этих условиях речь уже идти не могла. Институт вынужден был ограничиться решением насущных задач по философскому обоснованию очередных извивов политики партии.

Секция диалектики естествознания сохранилась под названием секции естествознания. Произошло это случайно, потому что среди прежних сотрудников А.М. Деборина нашёлся «специалист» по этим вопросам, почувывший изменение политической конъюнктуры и вовремя переметнувшийся на сторону будущих победителей – А.А. Максимов, напечатавший в августе 1930 г. в «Правде» письмо с разоблачениями в адрес А.М. Деборина. В историко-научной литературе давно сказано о его низком естественнонаучном профессионализме и предпринимавшихся им усилиях остановить прогресс физического знания, и, прежде всего, квантовой механики в СССР¹. Нужно признать, что он сделал правильный жизненный выбор. В прежнем составе Института, где было много талантливых людей, занимавшихся философией естествознания, (в частности, философией физики – Б.М. Гессен²), А.А. Максимов неизбежно оставался бы на вторых ролях. Но и теперь он был способен лишь на изыскания политических ошибок и разоблачение «физического идеализма» в работах советских учёных.

В научном отношении активнее был более талантливый и более знающий, но занимавший такие же философские позиции Э.Я. Кольман, член Президиума Комакадемии, отвечавший за вопросы философии естествознания, а позже, с 1939 г. – заведующий сектором диалектического материализма Института философии АН СССР. Э.Я. Кольман – сложная и противоречивая фигура, заслуживающая специального исследования. В целом, его роль в философском развитии 1930-х гг. была негативной. Он усиленно занимался большевизацией науки и поиском «вредителей» среди естественников. В этом смысле, для характеристики положения дел с философией науки в 1930-е гг., показателен выпущенный в 1933 г. сборник «Марксизм и естествознание». Здесь впервые были опубликованы С.А. Яновской «Математические рукописи» Маркса, помещена статья бывшего

¹ Делокаров К.Х. Методологические проблемы квантовой механики в советской философской науке. М., 1982. С. 326-330; Сонин А.С. «Физический идеализм». М., 1994. С. 27-32; Овчинников Н.Ф. Выступление на заседании «круглого стола» на тему «Б.М. Кедров: путь жизни и вектор мысли» // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 45-45.

² Делокаров К.Х. Б.М. Гессен и философские проблемы естествознания // Вестник АН СССР. 1978. № 12. С. 75-84.

«механиста», академика Всеукраинской АН С.Ю. Семковского и письмо будущего нобелевского лауреата Г.Дж. Мёллера, в том же году приглашённого Н.И. Вавиловым работать в Институт генетики АН СССР. Но центральное место в сборнике занимает статья Э.Я. Кольмана о «положении на философском фронте». Э.Я. Кольман поёт гимн корифею всех наук т. Сталину, «в лице которого мы имеем не только гениального политического вождя партии и международного рабочего движения, но имеем величайшего теоретика, величайшего мыслителя»¹. Э.Я. Кольман обнаружил «ряд открытых идеалистических выступлений» у выдающихся учёных-естественников: В.И. Вернадского, Я.И. Френкеля. Разоблачению «идеализма» в работах советских физиков были посвящены и многие его статьи.

Но главное, что занимало Э.Я. Кольмана, это ход выполнения постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма»: «Прошло два года после решения ЦК нашей партии, осудившего группу Деборина, Стэна, Карева и др. как меньшевистствующе-идеалистическую. Спрашивается: как они за эти два года перестроились? К сожалению, приходится констатировать, что т. Деборин ограничился по существу формальным заявлением о своих ошибках через год после постановления ЦК... Меньшевистствующий идеалист Стэн, который заявлял о своём несогласии с партийной линией по философским вопросам, стал участником контрреволюционной группы Рютина и Слепкова. Это показывает, что в обстановке классовой борьбы меньшевистствующий идеализм, являющийся в основном теоретической базой всех левацких уклонов, логически доведённый до конца, становится просто контрреволюционным меньшевизмом»². Это типичный пример абсурдной риторики тех лет.

Не преминул Э.Я. Кольман коснуться враждебных проявлений в той сфере философии естествознания, которой он в прямую не занимался – философии биологии: «Недавно вышло новое издание книжки т. Агола “Витализм и марксизм”. Несмотря на то, что т. Агол в предисловии крепко “кроет” меньшевистствующий идеализм, сама книга пополняет прежние ошибки, раскритикованные в философской дискуссии, новыми ошибками, идущими в том же направлении»³. Здесь нет необходимости говорить о философской борьбе в советской биологии, история чего подробно разобрана в литературе⁴. Отметим лишь, что после разгрома деборинской школы, Институт философии лишился учёных, многие из которых не понаслышке знали состояние мировой науки и могли разрабатывать философские проблемы биологии на уровне современных требований: И.И. Агола, М.Л. Левина, С.Г. Левита, В.Н. Слепкова, Я.М. Урановского. Все они впоследствии были уничтожены, а на их место пришли М.Б. Митин, И.И. Презент, З.Я. Белецкий, Г.В. Платонов, занявшиеся философским оправданием лысенковщины. Можно выделить два

¹ Марксизм и естествознание. М., 1933. С. 77.

² Марксизм и естествознание. М., 1933. С. 68, 69.

³ Там же. С. 69.

⁴ Фролов И.Т. Генетика и диалектика. М., 1968.

основных обвинения, с позиций которых вёлся «обстрел» настоящей марксистской философии естествознания: отрыв науки от практики и забвение партийности науки. Обвинения эти были взаимосвязаны. Истинная наука объявлялась оторванной от практических нужд страны лженаукой, а причина отрыва усматривалась в игнорировании классовости и большевистской партийности науки. В результате открывалась широкая дорога для действительной лженауки. Как пишет об этом Э.И. Колчинский: «Анализ философских аспектов того или иного обобщения в биологии заменялся навешиванием ярлыков, беспардонным вмешательством в решение конкретных проблем биологии. Союз философии марксизма и естествознания отныне трактовался не как содружество равноправных партнёров, а как идейная и методологическая гегемония примитивно понимаемого диалектического материализма»¹. Нет ничего удивительного в том, что под удар попали неклассические научные дисциплины: в физике – квантовая механика, а в биологии – генетика. Они идеально подходили для того, чтобы можно было вылепить образ учёных, оторванных от непосредственной практики социалистического строительства, борьбы за подъём урожайности и пр., и бросить этим учёным обвинение в «идеализме». Объективная трагическая ирония заключалась, однако, в том, что эти дисциплины были не только «материалистичны», так как изучали то, что реально существует в природе, но были практичнее и полезнее для народного хозяйства, чем спекулятивные лженаучные «учения», претендовавшие занять их место.

Что касается конкретных обвинений, выдвигавшихся в адрес «механистов» и «меньшевствующих идеалистов», то они строились на передержках и прямой фальсификации воззрений критикуемых. Делать это было тем легче, что сама ссылка в печати на работы лиц, объявленных «врагами народа», не допускалась. Например, В.П. Тугаринов, начинающий тогда философ, в 1937 г. был снят с работы и исключён из партии за то, что «в одной из своих работ, написанной в 1934 г. и не опубликованной, процитировал в порядке разоблачения врагов народа»². А.М. Деборин или Л.А. Аксельрод, правда, не были объявлены «врагами народа», но «борцы на два фронта в философии» не затрудняли себя корректностью цитирования. Более того, перенеся на философию законы внутрипартийной борьбы, они выдвинули чрезвычайно удобный для огульных обвинений тезис о «смыкании» «меньшевствующего идеализма» с «механицизмом»³. Вот замечательный образчик подобной «диалектики»: «Группа философов во главе с Дебориным, отрывая теорию от практики, философию от политики, совершенно игнорировала задачи по разработке вопросов исторического материализма, а если и касалась их, то трактовала в троцкистском или правооппортунистическом, меньшевстско-идеалистическом или

¹ Репрессированная наука. Л., 1991. С. 58-59.

² Корсаков С.Н. Кафедра философии Тверского государственного университета: история в биографиях. Тверь, 2005. С. 63.

³ Диалектический и исторический материализм. Ч. 1. Диалектический материализм. М., 1933. С. 299.

механистическом понимании»⁴ В результате обречённому на изничтожение человеку можно было предъявлять любые, даже взаимоисключающие обвинения, совершенно не заботясь об их соответствии действительности. Положение с критикой философских противников в публикациях 1930-х гг. верно охарактеризовано З.А. Каменским: «С самого начала 1930-х годов обязательной нормой всякого теоретического выступления была критика “механистов” и “меньшевствующих идеалистов”, раскритикованных Сталиным и постановлением ЦК ВКП(б) от 1931 г. Критика эта была, по преимуществу, зряшной. Подвергали критике и тех и других “чехом”. Критикуемым приписывали либо грехи, в которых они не были повинны, либо взгляды, которые в равной мере были присущи самим же критикующим»².

Второй секцией «обновлённого» Института философии была антирелигиозная. Она вела своё начало от Комиссии по изучению религиозной идеологии, созданной в Комакадемии М.А. Рейснером. А.М. Деборин противился включению этого подразделения Комакадемии в состав Института философии, считая, что задачи его являются неспецифическими для Института. Теперь это была секция Института. Её сотрудники занимались вопросами происхождения, истории и теории религии и атеизма, изучали религиозное сектантство, социальные корни религии в СССР и методику антирелигиозной пропаганды. Темы эти, однако, были опасны, и чреваты неожиданными политическими поворотами. Заведующий секцией и, одновременно, доцент МГУ и заместитель председателя Центрального совета Союза воинствующих безбожников, А.Т. Лукачевский был в 1937 г. обвинён в протаскивании враждебной идеологии и небольшевистском подходе к антирелигиозной пропаганде, арестован и расстрелян³.

Третьей секцией Института была секция литературы и языка. Ей заведовал П.Ф. Юдин, отвечавший в новом философском руководстве за вопросы культуры и литературы. Он принимал участие в организации Союза советских писателей и редактировал журнал «Литературный критик». Поскольку сам он не был в состоянии профессионально заниматься вопросами литературы, эстетики, философии культуры и языка, в секции Института и в редакции журнала «Литературный критик», возглавлявшейся М.М. Розенталем, сконцентрировались талантливые и пишущие люди, хорошо знавшие русскую и зарубежную художественную литературу: Г.О. Лукач, М.А. Лифшиц, В.Р. Гриб, И.А. Сац, Е.Ф. Усиевич. Они составили так называемое «течение», подвергнутое разгрому в 1940 г. при закрытии журнала «Литературный критик».

¹ Диалектический и исторический материализм. Ч. 1. Диалектический материализм. М., 1933. С. 297.

² Каменский З.А. История философии как наука в России XIX – XX вв. М., 2001. С. 154.

³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 56777; Ф. 589. Оп. 3. Д. 11013.

В Институте проходили юбилейные сессии. В 1933 г. прошла сессия, посвящённая 50-летию со дня смерти К. Маркса, а в 1938 г. – 120-летию со дня его рождения. В 1934 г. состоялась сессия, посвящённая 25-летию, а в 1939 г. – 30-летию выхода книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Работники Института участвовали также в научных сессиях проводимых совместно с другими учреждениями АН СССР, а именно – к 150-летию Великой французской революции и к 120-летию со дня рождения Ф. Энгельса.

Сессию Института, посвящённую 25-летию «Материализму и эмпириокритицизму» открыл В.В. Адоратский. На сессии выступили с докладами А.Ф. Иоффе и С.И. Вавилов. А.Ф. Иоффе предостерег от отождествления физических теорий с их философскими интерпретациями и высказался против попыток философской дискредитации теории относительности и квантовой механики. С.И. Вавилов обратил внимание на необходимость совершенствования понятийного аппарата для освоения содержания квантовой механики. М.Б. Митин выразил надежду, что совершенствование физической измерительной техники позволит преодолеть принцип неопределённости Гейзенберга. С.Ю. Семковский говорил об актуальности развитых В.И. Лениным представлений о структуре материи.

В сборнике статей «25 лет “Материализма и эмпириокритицизма”», подготовленном Институтом философии были помещены довольно формальная юбилейная статья В.В. Адоратского с дежурной здравицей в адрес Сталина, и более интересно написанная, но и более догматичная статья Э.Я. Кольмана. Остальные статьи были посвящены отдельным аспектам темы: Т.Д. Павлов (П. Досев) писал о теории отражения, И.К. Луппол об историко-философских вопросах, Е.П. Ситковский о роли в критике махизма В.И. Ленина и Г.В. Плеханова, Г.П. Адамян о вопросах исторического материализма, В.П. Егоршин о современном естествознании, В.М. Познер о реакции на «Материализм и эмпириокритицизм» в западной философии, Я.С. Розанов составил ценную библиографию вопроса. В.П. Егоршин сделал в статье замечания физикам М.П. Бронштейну и И.Е. Тамму, ибо «напрасно некоторые советские авторы берут квантовую механику под свою “философскую” защиту»¹. Е.П. Ситковский осудил деборинцев Н.А. Карева и В.А. Юринца за то, что те осуществляли т.н. имманентную критику идеалистической философии, вместо того, чтобы давать ей классовую оценку.

19 февраля 1936 г. в большом зале Академии наук состоялось заседание, посвящённое пятилетию Постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма», в котором участвовали философский актив Москвы, сотрудники и подписчики журнала, преподаватели вузов, слушатели ИКП. Прибыли делегации философов Украины и Ленинграда. Заседание открыл В.В. Адоратский. С установочной речью выступил заведующий Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б.М. Таль, который вскоре был репрессирован. Затем с большим докладом выступил М.Б. Митин, говоривший о той решающей роли, которую играют выступления и указания

¹ 25 лет «Материализма и эмпириокритицизма». М., 1934. С. 159.

товарища Сталина в развитии нашей философской мысли», о том как были «разгромлены меньшевистско-идеалистические взгляды»¹. Не забыл Митин и о том, «какое огромное значение» для «разработки марксистской философии» имеет книга «тов. Берия». Доклад Митина настолько переполнен лизоблюдскими перепевами в адрес гениального философа Сталина, что непредвзятому читателю совершенно понятной становилась вся лживость утверждений о том, будто борясь с «деборинщиной» сталинцы отстаивают место Ленина в истории марксистской философии. Высказался Митин и по поводу работы, проделанной деборинским составом Института философии. Он обвинил этих философов, проделавших огромную работу по публикации философских первоисточников в «некритическом издании переводов буржуазных учебников по истории философии, искажении меньшевистствующими идеалистами подлинных исторических образов классиков философии, превращение Бэкона, Спинозы, Дидро, Фейербаха чуть ли не полностью в диалектических материалистов, отождествлении идеалистической диалектики Гегеля с материалистической диалектикой Маркса». В заслугу новому философскому руководству Митин поставил борьбу против реакционных, идеалистических выводов из новейших открытий в физике, в частности, в связи с новым пониманием причинности». Между прочим, Митин сообщил, что в Институте начинается работа над созданием трёхтомной «Истории философии» с привлечением большого коллектива авторов. Таким образом, идея подготовить известную т.н. «серую лошадь» относится к 1936 г., если не раньше. Сказал Митин и о учебнике «Диалектический и исторический материализм».

Учебник «под редакцией М.Б. Митина»

У фактически руководившего Институтом М.Б. Митина не было конкретной темы исследований. Он осуществлял «общее руководство» написанием учебника «Диалектический и исторический материализм». В 1933 г. вышла первая часть учебника – по диалектическому материализму, в 1934 г. вторая – по историческому материализму; в редактировании последней участвовал также И.П. Разумовский.

Создание стандартного учебника диамата было, своего рода, партийным заданием новому философскому руководству и «обновлённому» Институту философии. Были полностью отвергнуты все планы создания Институтом «Философской энциклопедии», вся проведённая деборинским философским руководством большая работа была выброшена в «корзину». Подобные самоценные в научном отношении задачи сталинское руководство не интересовали. Философия была сведённая к жалкой идеологической «похлёбке», а от Института философии требовалось изготовить некий контрольный экземпляр, стандарт, пригодный для массового употребления. Важнейшей стороной этой задачи была пропитка всех тем курса философии

¹ Отчёт о заседании, посвящённом пятилетию Постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» // Под знаменем марксизма. 1936. № 2-3. С. 168.

формулами о величии самого гениального философа всех времён и народов. С этих позиций необходимо было привести к единообразию учебные занятия по философии в стране. Под «грифом» Института учебник и был издан.

Не приходится говорить о его теоретическом уровне, он не мог не быть низким, особенно если учесть задачи, которые авторский коллектив заявил в «Предисловии»: «ликвидацию разрыва, созданного механистами и меньшевистствующими идеалистами, между теорией и практикой», «освещение роли философии в борьбе за генеральную линию партии на два фронта – с правым и «левым» оппортунизмом и контрреволюционным троцкизмом, с механицизмом и меньшевистствующим идеализмом как философской основой уклонов от генеральной линии партии», «выявление и освещение того нового, что вносит марксизм-ленинизм в лице Ленина и Сталина в общую сокровищницу философии марксизма»¹.

Достаточно сказать, что формальная логика рассматривалась в учебнике как результат малоподвижных форм общественной жизни, таких, как феодальный строй, и в качестве обоснования метафизического воззрения на мир, которое «используют в своих классовых интересах учёные лакеи буржуазии». «Включать формальную логику в качестве момента в диалектическую логику так же нелепо, как объявлять алхимию моментом химии, астрологию моментом астрономии», - утверждали авторы учебника². За изучение формальной логики досталось «идеалисту Асмусу, пригретому меньшевистствующими идеалистами», который тем самым «помогает механистам и меньшевистствующим идеалистам обосновывать метафизику оппортунизма и контрреволюционного троцкизма»³.

Ровно треть учебника была отведена не вопросам философской теории, а «борьбе на два фронта в философии». Стилистика здесь совершенно разнузданная. Типичным является передёргивание высказываний оппонентов. Например, чисто фактического порядка фраза А.М. Деборина о том, что В.И. Ленин не успел написать специальной работы по материалистической диалектике, расценивается как отрицание вклада В.И. Ленина в философию⁴, в чём деборинцев, в действительности, нельзя было упрекнуть. Авторы учебника последовательно выискивают совершенно искусственную связь между «механистами» и бухаринской оппозицией, между «диалектиками» и троцкистской оппозицией, прекрасно осознавая значение и возможные последствия подобных обвинений. Деборинское философское руководство осуждалось именно за то, что оно в ходе философской дискуссии не давало оценку механицизму как философской основе правого оппортунизма в политике. Лишь «партийная организация ИКП философии и естествознания правильно поняла указания т. Сталина, сумела развернуть дискуссию с

¹ Диалектический и исторический материализм. Ч. 1. Диалектический материализм. М., 1933. С. 5.

² Там же. 224.

³ Там же.

⁴ Диалектический и исторический материализм. Ч. 1. Диалектический материализм. М., 1933. С. 282.

деборинской группой и правильно определить основные линии разногласий»⁵. Реализуется это и в учебнике: надо было найти «меньшевизм» и «идеализм» у деборинцев, и авторы находят. А.М. Деборина же, «по существу проводящего социал-фашистские установки», они поучают, цитируя... глубокомысленные высказывания Л.М. Кагановича².

Неумеренные восхваления Сталина как величайшего теоретика стали с начала 1930-х гг. обязательными для философских статей. В помещении Сталина на философский пьедестал и был основной смысл разгрома деборинской школы. Трагедия деборинцев была предопределена как непреклонным стремлением Сталина быть признанным в качестве «лучшего и верного ленинца», «Ленина сегодня», что означало, в том числе, быть признанным в качестве теоретика и мыслителя, так и тем, что «даже к середине 1920-х годов мало кто в России догадывался о желании Сталина стать выдающимся и признанным теоретиком»³. В.В. Адоратский и группа М.Б. Митина не только поняли это раньше других, но и публично в печати провозгласили Сталина крупнейшим теоретиком. Поэтому им и было доверено руководство Институтом философии. Мог ли Сталин терпеть положение, при котором об А.М. Деборине в официальном документе АН СССР писали, что он «является в наши дни крупнейшим представителем философской школы диалектического материализма, не только в СССР, но и во всём мире» и «разрабатывает проблематику и содержание этой философии в строго последовательном, ортодоксальном духе»⁴. Поэтому, также, был поднят и вопрос о «философских ошибках» Г.В. Плеханова, учеником которого был А.М. Деборин. Вышибая Г.В. Плеханова и А.М. Деборина из числа признанных марксистских теоретиков, Сталин становился в ряд прямо за Марксом, Энгельсом и Лениным. Услужливо «разработан» вопрос о «философских ошибках» Г.В. Плеханова и в учебнике под редакцией М.Б. Митина. Но, как это хорошо показал И.И. Яхот, противопоставление митинцами Г.В. Плеханова В.И. Ленину и провозглашение «ленинского этапа» в философии было лишь инструментом возвеличения Сталина и фактического принижения Ленина. Хорошо это видно и в учебнике. В параграфе «Ленинизм – новая и высшая ступень в развитии марксизма» нет ни одной ссылки на произведения Ленина, а из сделанных авторами шести ссылок, все шесть приходятся на работы Сталина.

Завершается учебник параграфом «Тов. Сталин и материалистическая диалектика», в котором нет недостатка на эпитеты в превосходных степенях. Но даже М.Б. Митину было сложно «притянуть» высказывания Сталина к уровню величайшего философа. Поэтому, когда приходилось «дать два-три образца диалектики т. Сталина, которая дала и даёт возможность большевикам брать самые неприступные крепости», то оказывалось, что

¹ Там же. С. 247-248.

² Там же. С. 296.

³ Такер Р. Сталин. Путь к власти. М., 1990. С. 433.

⁴ Записки об учёных трудах действительных членов АН СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 г. Л., 1930. С. 33.

«только владея в совершенстве методом материалистической диалектики, методом подлинно конкретного анализа сложной конкретной действительности, только умея по-ленински применять важнейшие законы диалектики, законы качества, количества, меры, закон единства противоположностей», Сталин смог показать... «разницу, которая имеется между классовой борьбой в деревне вне колхоза и элементами классовой борьбы в колхозе»¹.

Трудно сказать, в какой мере были искренни люди, писавшие подобные вещи в учебнике. О «трагедии авторов тех лет» хорошо сказал З.А. Каменский: «Они были обязаны превозносить все ленинские, а вскоре и сталинские произведения, совершенно независимо от реального их содержания. К этому их обязывали и указания ЦК ВКП(б) и “лично товарища Сталина”, данные в 1931 г., и партийные материалы, опиравшиеся на эти указания. Их научная совесть должна была уступать место политической установке. Учёный был вынужден либо стать марксистско-ленинским догматиком, либо умолкнуть»².

Однако, среди авторов, несомненно, были люди, не только верившие в то, что писали, но и готовые отстаивать эти «истины» с большей энергией, чем циники из новых философских лидеров. Поэтому нельзя признать удивительным то, что больше половины авторов учебника (Г.П. Адамян, Б.И. Базилевский, В.Г. Вандек (Тер-Григорьян), А.А. Маегов, С.С. Пичугин, Е.П. Ситковский, И.Г. Тащилин) были вскоре репрессированы. В этом – другой аспект трагедии философов того времени. В опубликованном в 1981 г. библиографическом справочнике «Марк Борисович Митин» фамилии почти всех его репрессированных соавторов попросту опущены.

Кроме того, каким бы «зубодробительным» ни был учебник, написанный в 1933 г., эскалация общественной истерии развивалась в такой степени, что спустя три года в текстах, написанных исключительно ради борьбы со всяческими уклонами от сталинизированного варианта марксизма, можно было уже обнаружить следы самих этих уклонов. Цензор Главлита в Соцэкгизе А.И. Сухно писал в феврале 1936 г. Сталину о непригодности учебника под редакцией Митина для тех, кому он предназначался – для студентов комвузов. Цензором учебник был заподозрен в идеологическом разращении партийной молодёжи. «Институт философии, - писал А.И. Сухно Сталину, - не мог не знать, что учебник по политическому своему существу в ряде мест превратился в вредное пособие, пестрит либеральной критикой Троцкого и “товарища Зиновьева”». «Приходишь к выводу, что руководство Коммунистической академии ничему не научилось у Вас, товарищ Сталин», - констатировал А.И. Сухно³.

¹ Диалектический и исторический материализм. Ч. 1. Диалектический материализм. М., 1933. С. 350.

² Каменский З.А. История философии как наука в России XIX – XX вв. М., 2001. С. 148.

³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 15785. Л. 161.

М.Б. Митин не был бы собой, если бы не почувствовал, может быть ещё раньше цензора, что учебник перестал быть пригодным для идеологического обслуживания власти. Выступая в феврале 1936 г. на заседании, посвящённом пятилетию Постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма», Митин заявил, что нужно новое издание учебника, поскольку первое, хотя и пронизано «воинствующей партийностью» и «явилось непосредственным результатом той борьбы, которая была проведена на философском фронте по выкорчёвыванию меньшевистствующего идеализма и механицизма», тем не менее «имеет целый ряд крупных недостатков» и «не удовлетворяет нашим современным требованиям». К ним он отнёс «немало небрежных формулировок», «непропорционально большое место для критики авторов, не имеющих серьёзного значения», «скверный стиль»¹.

Трагическая борьба Яна Стэна

Помимо официальной жизни в стенах Института философии, у советской философии 1930-х гг. было и иное, потустороннее измерение – скорбный путь бывших сотрудников Института, попавших в сталинские застенки. Обо всех этих судьбах рассказать невозможно, да и не всегда есть достаточный материал для рассказа. В конце этой главы мы приводим список репрессированных сотрудников Института. Надо полагать, он не полон. Но о некоторых человеческих трагедиях советских философов мы можем рассказать подробнее, в большинстве случаев – впервые и на основе архивных документов. Они поучительны. Это – часть правды истории нашей философии, и её надо знать, в том числе, и чтобы отдать дань памяти оклеветанным и безвинно погибшим людям².

Причины гибели этих людей одновременно различны и однотипны. Можно выделить два пути на Голгофу, которые часто перекрещивались между собой. Для большинства погибших, исходным толчком драмы было недоброжелательство сослуживцев. «Просто так не арестовывали. Нужна была основа – донос»³. Для тех же, кто был широко известен в науке и в партии, главной причиной становилось неосторожное высказывание в адрес Сталина. Так погибли Я.Э. Стэн, В.А. Тер-Ваганян, В.И. Невский и др. Высказанное критическое мнение о Сталине как политике или теоретике легко трансформировалось в обвинения в антипартийной деятельности, либо в отступлении от марксизма. В 1920-е гг. мнение о том, что Сталин не является «человеком настолько выдающимся, чтобы стать звездой первой величины на революционном горизонте России», и что «теория – не его

¹ Под знаменем марксизма. 1936. № 2-3. С. 173.

² Наша признательность – сотрудникам Российского государственного архива социально-политической истории Л.А. Лыковой, Е.П. Каравановой, А.А. Ощепковой и др. Благодарим также В.Г. Макарова, любезно предоставившего информацию из архивных источников.

³ Трущенко Н.В. Косарев. М., 1988. С. 384.

стихия», было достаточно распространённым⁴. Между тем, Сталина «сжигала» потребность в признании именно в этом качестве. Как показал в своей прекрасной психологической биографии Сталина Р. Такер, «оборотной стороной преувеличенного самомнения Сталина была его острая чувствительность ко всему, что он считал неуважением и попыткой бросить на него тень. Люди, отказывавшиеся подтвердить правильность его самооценки, вызывали неприязнь, гнев и желание отомстить, добиться над ними превосходства»². Документы хорошо показывают, что в отношении достаточно значимых фигур «философского фронта» кара за «ревизионизм» следовала вскоре после того, как они по какому-то поводу давали пренебрежительную оценку Сталину или позволили подозревать себя в этом. Предъявление этим людям идеологических обвинений в том или ином «отступлении» от марксизма имело характер оформления репрессии и ни в какой связи не находилось с их реальными теоретическими воззрениями. Послабление в их судьбе следовало вскоре за тем, как они «раскаивались» в содеянном и начинали превозносить Сталина как вождя и теоретика марксизма. Но послабление было всегда временным, и трагический путь человека заканчивался гибелью. Для мстительной природы Сталина было необходимо, чтобы недавний враг сначала унижил себя самобичеваниями и превознесением «гениального теоретика марксизма», и только после этого он подлежал уничтожению.

Поистине символической стала легендарная фигура Я.Э. Стэна, самого яркого и известного из учеников А.М. Деборина, одного из основателей, члена правления и заведующего секцией современной философии Института философии. Между тем, о судьбе Я.Э. Стэна на основе подлинных документов того времени пока ещё не было рассказано.

Несмотря на молодость, Я.Э. Стэн очень быстро выдвинулся и как политик и как философ. В 1925 г. он был избран членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б)³. В том же году, как принято считать, он был рекомендован Сталину для занятий гегелевской диалектикой. Очевидно, это общение позволило Я.Э. Стэну многое понять. А.Я. Зись писал, что Я.Э. Стэн «в узком кругу отзывался не очень лестно о способностях к философскому мышлению своего ученика»⁴. Трудно судить о характере встреч Стэна со Сталиным, и их последствиях для сталинских сочинений. Но общую ситуацию правильно, надо полагать, воссоздал А.И. Колганов: «Пытаясь ознакомить Генсека с историей классической философии, с началами диалектического метода, Стэн был неприятно поражён пренебрежительным отношением Сталина к философской культуре, прямолинейностью и схематизмом сталинской логики, его откровенной неприязнью к

¹ Такер Р. Сталин. Путь к власти. М., 1990. С. 387, 434.

² Там же. С. 399, 400.

³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 138210.

⁴ Зись А.Я. У истоков журнала «Вопросы философии» // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 45.

диалектическому стилю мышления»⁵. Видимо, имела место органическая несовместимость настоящего учёного и убеждённого марксиста-диалектика, каким был Стэн, и малокультурного прагматика Сталина. Как вспоминала А.М. Ларина-Бухарина, Я.Э. Стэн «отличался независимым характером; на Сталина смотрел всегда сверху вниз, с высоты своего интеллекта, за что расплатился ранее многих. В гордом облике этого латыша с выразительным умным лицом, сократовским лбом и копной светлых волос было что-то величественное»².

Во второй половине 1928 г. – первой половине 1929 г. Я.Э. Стэн разочаровался в той политике, которая проводилась сталинским руководством, из-за неумения ЦК справиться с экономическими трудностями, свёртывания внутрипартийной демократии и исключительного усиления личной власти Сталина. Бывший ученик вызывал у него презрение, и Стэн был слишком искренним и интеллектуально уверенным в себе, чтобы скрывать свои чувства. Он посмел публично поправить Сталина по теоретическому вопросу. Стэн прервал Сталина, делавшего доклад на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 22 апреля 1929 г., и заявил, что, обвиняя Бухарина с помощью цитаты из Ленина, Сталин искажает смысл цитаты. Теоретическая совесть учёного не позволила Стэну промолчать после самодовольных слов Сталина «Кажется ясно, в чём тут дело и в какую лужу угодил Бухарин!». Сталина в политической борьбе истина волновала меньше всего, и он отвёл замечание Стэна. Но Стэн стал настаивать на верном понимании ленинского высказывания³. С этого момента начинается открытое личное и политическое противостояние Стэна сталинской политике. В нём было настолько сильно чувство собственного достоинства, что опасения поставить себя под удар не удерживали его, если речь шла об истине, о той философии, в которую он верил. Он поэтому не мог принять во внимание, что «любое заявление или умолчание, которое казалось Сталину направленным против него (то есть всё, что не соответствовало образу гениального Сталина) вызывало его гнев и желание отомстить». «Достаточно было вступить со Сталиным в спор, касающийся какой-либо теоретической проблемы или определённого этапа в истории партии, и продолжать настаивать на своём после того, как Сталин признал эту точку зрения неправильной, - пишет Р. Такер, - и он сразу же чувствовал, что ставится под сомнение его образ выдающегося марксистского мыслителя, и мстительность его проявлялась в полной мере»⁴.

Я.Э. Стэн делился своими критическими мыслями с другими молодыми партийными работниками, сдружившимися во время работы в комсомоле – В.В. Ломинадзе, Л.А. Шацкиным, Н.П. Чаплиным, Т. Костровым. Результатом переоценки представлений о курсе, которым шла страна, стали статьи Л.А. Шацкина и Я.Э. Стэна, помещённые летом 1929 г. в «Комсомольской правде», которую редактировал Т. Костров. Это был, как раз, момент установления

¹ Колганов А.И. И не сдаётся мысль // Правда. 1989. 11 марта.

² Ларина-Бухарина А.М. Незабываемое. М., 2002. С. 144.

³ Сталин И.В. Сочинения. М., 1949. Т. 12. С. 72.

⁴ Такер Р. Сталин. Путь к власти. М., 1990. С. 401.

полной гегемонии Сталина в политической жизни страны и начало проставления его как величайшего теоретика марксизма в статьях В.В. Адоратского и других авторов. В статье Стэна фамилия Сталина не упоминалась, но содержание статьи, написанной с присущими Стэну ясностью мысли и литературным блеском, было совершенно недвусмысленным.

Формально, статья была посвящена необходимости улучшения теоретического воспитания комсомольцев. Но то, как подошёл к этому вопросу Я.Э. Стэн, наглядно демонстрировало расхождение его позиции настоящего марксиста с духом времени. Я.Э. Стэн требовал от комсомольских работников самостоятельного освоения всего того содержания человеческой интеллектуальной культуры, на почве которого сформировался марксизм. Марксистом, писал Я.Э. Стэн, можно стать «только проникнув в историческую лабораторию возникновения марксизма, и самому как бы вкратце пробежать путь, пройденный Марксом»¹. Человеку, вообще, свойственно мерить других по себе. Я.Э. Стэн говорил истинную правду, но достаточно представить себе образ типичного активиста тех лет, чтобы понять, что слова Стэна могли восприниматься такими людьми лишь как зазнайство и издевательство, чего, в действительности, в этих словах, разумеется, не было и грана. Просто здесь несоизмеримы были уровни таланта, требовательности к себе.

Но Я.Э. Стэн говорил о необходимости серьёзных теоретических занятий для тех, кто называет себя марксистами, не из педантизма. Он чувствовал, в каком направлении развивается идеологическая жизнь страны, что людей хотят превратить в марионеток, бездумно повторяющих обязательные формулы, называя их философией марксизма, что это вынет из этой философии живую душу и в итоге постепенно начисто источит веру в великое дело, и не хотел такой перспективы. Он прекрасно понимал, что «без самостоятельного и глубокого изучения вопросов теории, мы не выработаем ни одного ясного понятия, и не заложим прочной основы для наших политических убеждений», что нужно «на собственном опыте прорабатывать серьёзно все вопросы, и таким путём убеждаться в правильности генеральной линии нашей партии; только такая убеждённость, приобретённая на собственном опыте, путём самостоятельного продумывания всех основных вопросов может иметь все и ударную силу в практической деятельности»². Словно прозревая то состояние, в котором окажутся и политическая, и идеологическая работа, Стэн писал: «Без этого условия практическая деятельность превращается в “службу”, в чиновничье отношение к социалистическому строительству», «выродится в деляческое служение минутным интересам»³.

Сталину, победившему политических оппонентов благодаря закулисным интригам, не нужны были убеждённые, самостоятельно

¹ Комсомольская правда. 1929. 26 июля.

² Комсомольская правда. 1929. 26 июля.

³ Там же.

думающие люди, которые сознательно участвуют в идейной борьбе. «Тот, кто превращает политику в игру в жмурки, способствует тому, чтобы она утратила революционное содержание, - писал Я.Э. Стэн. - Надо всё время оттачивать и воспитывать наш коллективный теоретический разум, и не допускать, чтобы он покрывался ржавчиной и плесенью. Малейшие признаки его “поглупения” должны вызывать в нас возмущение и толкать к решительному противодействию»¹. И Я.Э. Стэн указывает на причину «поглупения», которой «надо объявить беспощадную войну»: «подмена теоретического мышления хрестоматиями и “настольными книгами”, в которых одни и те же цитаты с неуловимой быстротой переселяются из одной главы в другую, покорно выполняя указанную им роль»². Иллюстрацией подобного «изучения» марксизма были в те годы работы В.В. Адоратского, составлявшего хрестоматии и цитатники из Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Его подход к делу соответствовал требованиям времени, и не удивительно, что именно он возглавил Институт философии после изгнания оттуда А.М. Деборина, Я.Э. Стэна и других «диалектиков».

В момент, когда Сталина начали провозглашать выдающимся мыслителем и революционером, «Лениным сегодня», а его высказывания считать истинной в последней инстанции, не подлежащей сомнению, Я.Э. Стэн «чёрным по белому» пишет: «После Ленина у нас не осталось людей, совмещающих в себе в таком диалектическом единстве теоретический и “практический” разум. Этот существенный пробел может заполнить только коллективная теоретическая мысль. Не надо допускать, чтобы теоретическая мысль впадала в состояние неудовлетворённости и подвергалась процессу “ожирения”». И, словно для того, чтобы у внимательного читателя не осталось сомнений, кого он имеет в виду, Стэн продолжает: «Надо выжечь “дух самомнения” у некоторых наших практиков³, презрительно третирующих теорию, и в этом самомнении не замечающих, что рост теоретической головы их организма непропорционально отстаёт от роста конечностей и хватательных органов»⁴. Это был сознательный смелый и публичный протест против всего сталинского курса.

Меры против возмутителей спокойствия последовали незамедлительно. Сталин сразу же по прочтении номера «Комсомольской правды», в самый день его выхода, 29 июля, наметил программу репрессий в отношении Стэна и его единомышленников. Г.В. Жирков цитирует в книге по истории цензуры, написанные И.В. Сталиным 29 июля 1929 г. письмо в редакцию «Комсомольской правды» и заметки для заседания Политбюро ЦК ВКП(б)⁵. В

¹ Там же.

² Там же.

³ Этим словом часто обозначал себя Сталин: «Мы практики...». См.: Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т. 4. С. 317; Лельчук В.С. Послесловие // Такер Р. Сталин. Путь к власти. М., 1990. С. 451. Практицизм, фетишизация практики, стали, как известно, одной из основных причин расцвета при Сталине псевдонауки и псевдофилософии.

⁴ Комсомольская правда. 1929. 26 июля.

⁵ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв. М., 2001.

письме Сталин дал выход своему гневу. Возражая против публикации статьи Стэна, он утверждает, что её помещение «либо глупость редакции “Комсомольской правды”, либо прямой вызов Центральному комитету партии». Он подвергает содержание статьи Я.Э. Стэна резкой критике: «Называть подчинение комсомольцев (а, значит, и членов партии) генеральной линии партии “службизмом”, как это делает Стэн, – значит призывать к пересмотру генеральной линии партии, к расшатке железной дисциплины партии, к превращению партии в дискуссионный клуб». Г.В. Жирков замечает, что, по степени экспрессивности, «такого отзыва, где бы так были сконцентрированы основные грехи, с которыми боролся и будет бороться Сталин, трудно ещё найти», и справедливо предполагает, что «возможно, это было связано с личными мотивами, так как Сталин слушал лекции Я.Э. Стэна, читавшего курс специально для него». Сталин априори квалифицирует статьи Шацкина и Стэна как выступление новой оппозиционной группы в партии: «Так именно начинала у нас свое антипартийное дело всякая оппозиционная группа. С этого начал свою “работу” Троцкий. От этой же печки танцевал Зиновьев. Этот же путь избрал себе Бухарин. На этот путь становится и группа Шацкина – Авербаха – Стэна – Ломинадзе, требуя (по сути дела) свободы пересмотра генеральной линии партии, свободы ослабления партдисциплины, свободы превращения партии в дискуссионный клуб». Ярлык на инакомыслящих наклеен: кто критикует Сталина, хотя бы и не называя имён, тот оппозиционер, а кто оппозиционер – то контрреволюционер и враг партии и народа. Сталин считает, что изобретенная им «группа» стремится превратить «Комсомольскую правду» – «если уже не превратила» – в свой боевой орган, а «Молодую гвардию» в свой теоретический журнал; «пора положить конец этому безобразию. Пора призвать к порядку и обуздать эту группу». Далее следует перечень организационных мер: «1) Немедля пересмотреть состав редакции «Комсомольской правды» и «Молодой гвардии», поставив во главе их партийно-выдержанных товарищей, 2) Раскритиковать идеологические шатания группы Шацкина – Стэна – Авербаха – Ломинадзе, ... 4) Показать, что слепковцы и шацкинцы – два сапога – пара». В последнем пункте речь идёт об А.Н. Слепове и других учениках Н.И. Бухарина, представителях «правой» оппозиции. Сталин фактически намечает последующую линию репрессий против «охвостья» своих противников, объединяя в один блок и «левых» и «правых».

Политбюро ЦК ВКП(б) предложило Бюро ЦК ВЛКСМ обсудить меры по укреплению редакции «Комсомольской правды». Бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление, осуждавшее статьи Шацкина и Стэна. С их осуждением выступили «Правда» и «Комсомольская правда». 8 августа 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило резолюцию ЦК ВЛКСМ о «Комсомольской правде» и рекомендовало редакциям «Правды» и «Большевика» выступить с анализом ошибок Шацкина и Стэна. 15 августа 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило новую редакционную коллегию «Комсомольской правды».

4 октября 1929 г. вопрос о статье Я.Э. Стэна рассматривало бюро парторганизации Института красной профессуры под руководством Л.З. Мехлиса, известного помощника Сталина. Слова из статьи Стэна о «разрыве между теоретическим и “практическим” разумом» были квалифицированы как «выражение сомнения и недоверия к партийному руководству» и «искажение действительного состояния теоретической работы партии». Неприемлемым был признан призыв Стэна к комсомольцам заниматься теоретической работой, так как «комсомольцы могут овладевать марксистско-ленинской теорией лишь под руководством партии». Требование на самостоятельно прорабатывать и на собственном опыте убеждаться в правильности линии партии было осуждено как «пропаганда недоверия к генеральной линии партии», а предостережение об опасности превращения партийной работы в чиновничью службу – «повторением троцкистской клеветы на руководящие кадры». Проработчиков особенно интересовали контакты Стэна с молодыми слушателями ИКП, с которыми он делился или мог делиться своими взглядами. Статья Стэна была признана «политической ошибкой». Стэн «не признал в своём выступлении своих ошибок и взял под защиту выступления Ломинадзе и Шацкина, осуждённые ЦК ВКП(б)». 28 октября 1929 г. Стэн был вызван к Сталину¹. Только под мощным давлением он был вынужден выступить 12 ноября 1929 г. в «Правде» и дезавуировать свою статью.

Контакты Я.Э. Стэна с В.В. Ломинадзе, Л.А. Шацкиным и их единомышленниками стали теперь затруднительны. Нельзя точно сказать, с какого момента они прекратились. Я.Э. Стэн утверждал впоследствии, что это произошло до того, как В.В. Ломинадзе, Л.А. Шацкин и др. объединились с кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), Председателем Совнаркома РСФСР С.И. Сырцовым во фракционную группу. Группа эта, после её раскрытия, была названа «право-левацким блоком», поскольку С.И. Сырцов придерживался бухаринских, то бишь «правых» взглядов, а недавние комсомольские работники – левых, близких к троцкистским. В то, что Стэн не участвовал в этой тайной оппозиционной деятельности, можно верить, поскольку есть свидетельства, что он разошёлся с участниками «блока» по совершенно другим причинам. Из письма литературного критика Л.Л. Авербаха – одного из привлечённых к партийной ответственности участников блока – на имя председателя Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Г.К. Орджоникидзе от 26 октября 1930 г. видно, что Ломинадзе, Шацкин и др. вели резкие споры со Стэном, которые привели к прекращению организованных встреч. «В частности, со Стэном шли столкновения из-за отношения к т. Сталину – тут, например, тов. Ломинадзе всегда спорил резко со Стэном, протестуя против выпадов по адресу тов. Сталина, которого Ломинадзе оценивал чрезвычайно высоко». Был Я.Э. Стэн и против блока с правыми оппозиционерами в партии, а его друзья были готовы на это пойти. Единства позиций, таким образом, не было. Друзья Стэна, видимо, на что-то надеялись,

¹ На приёме у Сталина. М., 2008.

хотели повлиять на политику Сталина; Стэн же в действиях политического характера разочаровался, имея весьма пренебрежительное мнение о Сталине.

Во второй половине октября 1930 г. «группа Сырцова – Ломинадзе» была раскрыта. В печати началась травля её участников, в числе которых назывался Стэн. Я.Э. Стэну припомнили его прежние выступления. В редакционной статье «Правды» от 11 ноября 1930 г. говорилось: «Высокомерно и пренебрежительно к партийным кадрам относится Стэн, декларирующий вслед за Троцким, что ценность имеет лишь тот партиец, который “берёт революционные формулы с боем”», «декларирующий, что подлинный коммунист, это тот, кто способен... сомневаться в генеральной линии партии»¹. Отточие, видимо, было призвано передать всю «чудовищность» мысли Я.Э. Стэна о необходимости самостоятельных размышлений.

Бюро партийной ячейки Института Маркса и Энгельса, где Я.Э. Стэн и А.М. Деборин работали (по совместительству с Институтом философии) заместителями директора, потребовало 6 ноября 1930 г. от Я.Э. Стэна выступить на партсобраниях и в печати с осуждением «право-левацкого блока». Я.Э. Стэн этого требования не выполнил. После этого «Правда» поместила разоблачительную статью о Я.Э. Стэне членов бюро партийной ячейки Института Маркса и Энгельса.

Теперь судьба Я.Э. Стэна зависела от того, «пойдёт ли он» при разборе дела о фракционной группе, как говорится, «свидетелем или соучастником». Я.Э. Стэн искренне полагал, что если он во фракционной работе «группы» не участвовал, то его нельзя в этом и обвинять. 26 ноября 1930 г. он подал секретарю Партколлегии ЦКК ВКП(б) Е.М. Ярославскому заявление с требованием разобрать его дело, и снять с него необоснованные публичные обвинения².

Но в ЦКК ВКП(б) поступило заявление не только от Я.Э. Стэна. Давление на Я.Э. Стэна велось по всем направлениям. Культурно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б) 21 ноября 1930 г. вынес постановление перевести Я.Э. Стэна работать из Москвы на Урал. Я.Э. Стэн отказался, представив медицинские документы о заболеваниях своих и жены. Культпропотдел ЦК 23 декабря 1930 г. обратился в ЦКК ВКП(б) с требованием привлечь Я.Э. Стэна к партийной ответственности за неподчинение.

Я.Э. Стэна прорабатывали на заседаниях бюро партийной ячейки Института Маркса и Энгельса. На заседание 22 ноября 1930 г. Я.Э. Стэн не явился, ссылаясь на болезнь. Я.Э. Стэна заочно обвинили в том, что он не кается в печати, и что он «не явился на последнее партсобрание, на котором обсуждались ошибки философского руководства, к которому принадлежал Стэн». Я.Э. Стэну пригрозили исключением из партии. На заседание 8 декабря 1930 г. Я.Э. Стэн пришёл. Он категорически отверг обвинения в

¹ Против клеветы на партийные кадры // Правда. 1930. 11 ноября.

² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 1806.

участии во фракционной деятельности: «Для меня блок Ломинадзе и Шацкина с Сырцовым, правыми, абсолютная неожиданность». Отказ осудить в печати «право-левацкий блок» Я.Э. Стэн мотивировал тем, что не мог выступить со статьёй в «Правде», которая уже назвала его «двурушником». Вопрос о его партийной чести должен быть сначала решён по существу в ЦКК ВКП(б). Когда Я.Э. Стэна спросили: «Кто виноват, твоя “тактика молчания” или “Правда” в создавшемся вокруг твоего имени партийном мнении?», Стэн ответил: «“Правда”». Вопрос о Стэне бюро ячейки опять разбирали 10 декабря 1930 г. От Стэна требовали признаний, утверждали, что он «недоговаривает», не подтвердил искренность своих слов публичным раскаянием и имел связи со слушателями Института красной профессуры, недовольными руководством. Я.Э. Стэн вновь отверг все эти обвинения. Он добавил, что чувствовал недоверие, нетоварищеское отношение к себе, и в такой психологической атмосфере вообще избегал политических разговоров. 15 декабря 1930 г. бюро партийной ячейки ИМЭ вынесло решение, официально осуждавшее Я.Э. Стэна, и передало материал в ЦКК ВКП(б).

Наступил момент, когда всё зависело от решения партийных контрольных органов – Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и её Партийной коллегии, рассматривавшей персональные дела коммунистов. И тут партконтролёру ЦКК ВКП(б) К.П. Сомсу, занимавшемуся делом Стэна, поступила следующая записочка:

«Тов. Сомсу. Сообщаю о своём разговоре, который был у меня в августе или в сентябре, после летних отпусков с т. Резником¹, до раскрытия двурушнического блока. На мой вопрос о том, где он провёл свой отпуск, Резник сообщил следующее: “Отпуск я провёл в Гаграх вместе со Стэном и Ломинадзе, вместе путешествовали по горам, уходили на несколько дней” и т.д. и т.п. Кстати, этот разговор мне вспомнился, когда я читал второе “покаянное” заявление Ломинадзе, в котором он сообщает, что почти совершенно не встречался в течение 1930 года с Резником. 29 XII 1930 г. Митин»².

Напомним, что конец 1930 г. – время острейшей борьбы за контроль над советской философией вообще и Институтом философии в частности, борьбы на уничтожение деборинской группы. В октябре 1930 г. на заседании Президиума Коммунистической академии деборинское философское руководство было подвергнуто разгромной критике со стороны М.Б. Митина и его приверженцев. Одним из тех немногих, кто на этом заседании отстаивал подлинные интересы развития философской стране, предостерегал от забвения специфики философии, от её вульгаризации и политизации, был Я.Э. Стэн – тогда ещё член дирекции Института философии. «Обсуждение

¹ В.Д. Резник – один из последних учеников А.М. Деборина. М. Кун в книге «Бухарин: его друзья и враги» (М., 1992. С. 323) ошибочно утверждает, что В.Д. Резник выдал Сталину блок Сырцова–Ломинадзе. В действительности это сделал Б. Резников. См., например: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. М., 1996. С. 231.

² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 1806. Т. 2. Л. 49-49-об.

теоретических вопросов сводят к политическому шельмованию, - говорил он. – Как раз те, кто больше всего кричит о партийности философии, искажают ленинское понимание партийности философии. Вульгарно-практическое сознание некоторых товарищей хочет казаться весьма революционным, когда оно заявляет, что существуют только политика и политические проблемы»¹. Он показал, что так называемая «большевизация на философском фронте» есть тот же самый, хорошо известный антифилософский нигилизм начала 1920-х годов, борьба с которым была одной из важнейших задач деборинской школы. С присущим ему афористическим блеском Я.Э. Стэн заявил: «Можно говорить о политике в области философии, но нельзя рассматривать философию как частную форму политики»². Он протестовал против недопустимых приёмов полемики, против предъявления политических обвинений: «Совершенно недопустимым является такое положение вещей, что, когда мы обсуждаем философские вопросы, нас ставят в неравное положение и заявляют, что вы невыдержанные большевики, а мы выдержанные большевики и поэтому давайте нам в споре все привилегии»³. Отвергая выдвинутые против деборинцев лживые обвинения, Я.Э. Стэн показал их неминуемую логику, предсказав тем самым свою судьбу и судьбу своих товарищей: «Если вы в самом деле уверены в тех обвинениях, которые вы нам предъявляете, – что мы оторвались от партии, что мы есть троцкизм, – то надо нас без всякого промедления казнить»⁴.

После выступления Я.Э. Стэна на него набросились митинцы и дирижировавший ими по заданию Сталина секретарь Партколлегии ЦКК ВКП(б) Е.М. Ярославский. Их речи, отражавшие штампованное мышление, разительно отличались от выступления Стэна низким теоретическим уровнем, убогим языком и желанием выслужиться перед вождём. «Встреченный аплодисментами» Е.М. Ярославский под смех аудитории ерничал, что в журнале «Под знаменем марксизма» «т. Деборин играет роль зам-Энгельса, а т. Стэн – зам-Маркса». Он сказал, что их основная ошибка, правильно подмеченная «молодыми товарищами» из ИКП, заключается в том, что деборинцы до сих пор не перешли к выполнению указаний Сталина. Когда читаешь выступления его «молодых товарищей» – митинцев, невольно вспоминается Шариков, восклицавший по поводу использования гегелевско-марксовской терминологии: «Нет, чтобы по-простому!». М.Д. Каммари, например, начал свою речь с недовольства тем, что «тов. Стэн, как известно, обыкновенно выступает в “планетарном масштабе”, выражается очень громкими, напыщенными фразами вместо общепринятых марксистско-ленинских понятий». Однако примитивность мышления не мешала, а напротив, помогала работе политического и житейского нюха «молодых товарищей». М.Д. Каммари точно указал на ту главную ошибку, «всю теоретическую и политическую глубину которой» Стэн «до сих пор не

¹ Вестник Коммунистической академии. 1931. № 1. С. 108-109.

² Вестник Коммунистической академии. 1931. № 1. С. 110.

³ Вестник Коммунистической академии. 1931. № 1. С. 117.

⁴ Вестник Коммунистической академии. 1931. № 1. С. 116.

осознал». «Ведь т. Стэн был причастен к “левым” ошибкам, утверждая, что партия недооценивает роли теории, что у партии растёт хватательный орган за счёт головы и т.д. Если бы мы были “Иванами–непомнящими”, которые не умеют связать некоторых фактов, то ясно, что мы были бы очень плохими коммунистами. Разве гг. Стэн, Карев, Деборин не повторяют здесь по существу эти старые обвинения»¹. «Некоторые факты», больно ударившие недавно по самолюбию Сталина, его клеветы помнили очень хорошо и учитывали в своей борьбе, направленной на уничтожение настоящих философов.

М.Б. Митин и его соратники планомерно теснили деборинцев и захватывали власть в тех организационных структурах, где прежде безраздельно царили деборинцы. Для исхода этой борьбы принципиально важным было, кем сочтут Стэна официальные органы: осознавшим свои ошибки инакомыслящим, либо же нераскаившимся фракционером. Но, чтобы произошло последнее, нужны были доказательства контактов Стэна с оппозиционерами уже после образования «право-левацкого блока». Удар декабрьской записочкой М.Б. Митина был нанесён исключительно вовремя, точно в нужном месте, и был таким, что, получив его, уже нельзя было подняться. Самый яркий лидер деборинцев мгновенно превращался из марксиста во врага партии. Причём, М.Б. Митин вроде бы никого ни в чём не обвиняет, ничего не утверждает, пишет неофициальную записочку как бы между прочим про «и т.д. и т.п.». Что же касается содержания письма, то сам Стэн категорически отрицал, что встречи летом 1930 г. на Кавказе носили фракционный и, вообще, политический характер, что он участвовал там в каких-либо совещаниях оппозиционеров.

28 января 1931 г. дело Я.Э. Стэна рассматривалось на заседании Партколлегии ЦКК ВКП(б). Были вновь перечислены все возведённые на Я.Э. Стэна, к которым прибавилось и такое: «Наконец, т. Стэн в вопросах философской дискуссии занимал самую крайнюю линию защиты старого философского руководства, являясь одним из видных членов последнего. Вообще т. Стэн – философ, но и в философии он сердобольничал по отношению к троцкизму, и притом совсем не случайно. В партийной линии он целиком отражает свою философскую позицию». Словам Стэна не поверили, а в качестве фактической основы обвинений предъявили Стэна обвинили в том, что он нигде публично не выступал с обличениями оппозиционеров. Критика «Правды» была признана правильной, поскольку она «раскрывает одну из тех “левацких” фигур, которая пользовалась значительным влиянием на идеологические кадры на философском фронте». В довершение удара по Стэну, были зачитаны срочные собранные показания, в которых ставился под сомнение партийный стаж Стэна с 1914 г.

8 февраля 1931 г. Центральная контрольная комиссия ВКП(б) признала Я.Э. Стэна виновным в том, что он не выступил в печати с осуждением своих бывших единомышленников. 2 июля 1932 г. Партколлегия ЦКК ВКП(б)

¹ Вестник Коммунистической академии. 1931. № 1. С. 131.

приняла решение вести отсчёт партийного стажа Я.Э. Стэна не с 1914 г., а с 1917 г.

Я.Э. Стэна лишили возможности работать по специальности. Он был уволен из Института философии Комкадемии, Института Маркса и Энгельса, Института красной профессуры философии и естествознания. В 1931 – 1932 г. он заведовал сектором в Институте энергетики.

В этих условиях, оказавшись под прессом публичного осуждения, Я.Э. Стэн неизбежно сближался с такими же политическими «прокажёнными», как он сам. Сходное положение, в котором оказалось эти люди, интенсифицировало общение между ними, но не сняло политических разногласий. Последнее обстоятельство следует учитывать, в противном случае можно сделать ошибочные выводы. Так, А.И. Колганов утверждает, что Я.Э. Стэн «внёс свои дополнения» в документы антисталинской платформы группы М.Н. Рютина¹. Однако, в данном случае, как это ни парадоксально, это утверждение, несмотря на его благие цели, оказывается воспроизведением того обвинения, которое предъявлялось Я.Э. Стэну в ОГПУ. Следствие, с целью подвести его под обвинительный приговор, утверждало, будто он «непосредственно влиял на содержание самих документов своими замечаниями». Как бы мы сейчас ни оценивали высоко смелость политических документов «Союза марксистов-ленинцев», Я.Э. Стэн не мог принимать участия в их редактировании, поскольку не разделял «правых», бухаринских воззрений, лежавших в их основе. Весной 1932 г. М.Н. Рютин во время разговора с Я.Э. Стэном сообщил, что готовит некий теоретический документ и изложил ряд его положений. В августе 1932 г. Я.Э. Стэн получил для ознакомления документы «Союза марксистов-ленинцев» и обсуждал их с Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым. Но не более того. Об этой политической платформе в беседе с А.Н. Слепковым и другими молодыми «бухаринцами» Я.Э. Стэн высказался резко отрицательно.

В сентябре 1932 г. «Союз марксистов-ленинцев» был раскрыт. Начались аресты. 26 сентября 1932 г. Я.Э. Стэна вызвали в ЦКК ВКП(б). Секретарь Партколлегии ЦКК Е.М. Ярославский допытывался о содержании документов «Союза». Я.Э. Стэн отговаривался забывчивостью, и был сразу же арестован ОГПУ, где его вынудили дать более подробные показания. 9 октября 1932 г. постановлением Президиума ЦКК ВКП(б) Я.Э. Стэн был на основании сообщения начальника секретно-политического отдела ОГПУ исключён из партии с правом через год, «в зависимости от поведения», возбудить ходатайство о восстановлении в партии. 11 октября 1932 г. постановлением внесудебного органа – Коллегии ОГПУ, Я.Э. Стэн был приговорён к ссылке на два года и выслан в Акмолинск².

За свою недолгую жизнь Я.Э. Стэн сидел царской тюрьме, был приговорён к смерти военно-полевым судом белых, находился в заключении в

¹ Колганов А.И. И не сдаётся мысль // Правда. 1989. 11 марта.

² Впоследствии, 9 октября 1937 г., начальник секретно-политического отдела ОГПУ – НКВД СССР, руководивший следствием, сам был расстрелян.

тюрьме ОГПУ. Но самым страшным оказалась жизнь ссыльного в провинциальном городишке и столкновение с реалиями отечественной действительности. Я.Э. Стэну, привыкшему к широким масштабам деятельности, была невыносима ограниченная обывательская среда, для которой он был лишь бесправным отщепенцем. Я.Э. Стэн настойчиво пытался получить пропагандистскую или педагогическую работу. Местные партийные начальники, увидев, что просьбы Я.Э. Стэна на эту тему оставались без ответа, стали относиться к нему холодно. Наконец, ему была предоставлена должность экономиста в свиноводческом тресте. Здесь он столкнулся с типичной преступной бесхозяйственностью и откровенным воровством. Его предложения организовать меры по снижению падежа скота были восприняты с раздражённым недоумением. Попастись с жалобой в кабинет директора треста, оказалось для бывшего члена ЦКК задачей трудноразрешимой. Я.Э. Стэн передал в местную рабоче-крестьянскую инспекцию объективную информацию о положении дел в тресте для наркомата совхозов. Борьба Я.Э. Стэна за правду закончилась тем, что его выгнали из треста «по сокращению штатов». Много месяцев он бродил без работы и оказался на грани голода, испытывая при этом и физически нестерпимые моральные муки. Он чувствовал, что погибает.

8 мая 1933 г. Я.Э. Стэн написал отчаянное письмо в ЦКК ВКП(б) о своём невыносимом положении, осуждая прежние свои «ошибки», прося вызвать в Москву для пересмотра дела и восстановить его в партии по истечении отведённого в решении ЦКК годового срока. Не получив ответа, находясь в лихорадочно возбуждённом состоянии, Я.Э. Стэн, восстанавливает по памяти посланное письмо и отправляет его вновь. В этом новом письме он, видимо, вполне поняв истинную причину своих злоключений, наконец написал о «ленинской теоретической проницательности, стратегическом искусстве и железной большевистской воле т. Сталина». Е.М. Ярославский, ознакомив с письмом Я.Э. Рудзутака и М.Ф. Шкирятова, переправил копию письма И.В. Сталину. Но, сказанного Стэном оказывалось ещё недостаточно, и Москва молчала. 11 августа 1933 г. Я.Э. Стэн пишет ещё одно письмо в ЦК и ЦКК ВКП(б), в котором утверждает, что «с отвращением отворачивается от контрреволюционной болтовни о “казарменном” режиме в партии, о бонапартистском диктаторстве Сталина» и что «отрыв моей теоретической работы от актуальных задач социалистического строительства и породил те ошибки меньшевистствующего идеализма, которые вполне справедливо разоблачил т. Сталин». Но даже за этими словами, которые Стэн произносит, что называется, «под дулом пистолета» в надежде спастись, проступает его истинное отношение. Он пишет, что, несмотря на заявления оппозиции, исторический опыт показал, что «верным учеником Ленина оказался тов. Сталин». Фрейдистская оговорка «оказался» как бы выдаёт его настоящие мысли – получается: не был, а оказался, а если и был, то раньше это было не заметно. Никогда бы так не написал циник и карьерист, но стать таковым Стэну было не дано, это противоречило самой его природе настоящего учёного и идейного человека. Тем не менее, в такие тонкости вдаваться

не стал. Важно было выжать из поверженного врага покаяние. Все места в письме Стэна, где говорилось о Сталине, были подчёркнуты красным карандашом, что делалось, когда отбирали ключевые моменты для осуждения, либо оправдания. Именно характер высказываний о Сталине, а не признание осуждённым идеологических и политических ошибок, интересовало следователей из ЦКК.

На сей раз сделанное «покаяние» было наконец-то признано достаточным. Я.Э. Стэна вызвали в Москву, где он ожидал решения своей участи. 21 января 1934 г. Я.Э. Рудзутак, Е.М. Ярославский и М.Ф. Шкирятов доложили И.В. Сталину о признании Я.Э. Стэном своих «преступлений» и выразили мнение, что его можно восстановить в партии. Их письмо вернулось с пометкой «Т. Сталин не возражает». Я.Э. Стэн вернулся работать на Волхонку, 14, только не в Институт философии, а в располагавшееся там же издательство «Советская энциклопедия», в котором стал заведовать контрольной редакцией, а затем был научным сотрудником. Одновременно он преподавал историю новой философии в МИФЛИ. В эти недолгие годы помимо статей для энциклопедии Я.Э. Стэн закончил ранее начатые рукописи «“Фауст” Гёте и “Феноменология духа” Гегеля», «“Феноменология духа” Гегеля в свете материалистического понимания истории»¹, «Диалектика “Капитала” К. Маркса». Рукописи Я.Э. Стэна были изъяты затем при последнем его аресте и погибли. В Центральном архиве ФСБ РФ их обнаружить не удалось. Достаточно прочитать их названия, чтобы увидеть, как глубоко Я.Э. Стэн понимал ключевые задачи изучения истории человеческого мышления, и какую непоправимую утрату понесла с гибелью этих рукописей философия.

В редакции Большой советской энциклопедии был разыгран последний акт жизненной трагедии Я.Э. Стэна. 9 апреля 1935 г. в ходе партсобраний коммунистов БСЭ и ГИЗа докладчику был задан вопрос, почему партия так долго терпела в своих рядах оппозиционеров. Докладчик благоразумно промолчал и сошёл с трибуны. В зале повисла пауза. И тут слово для разъяснения вопроса взял Я.Э. Стэн. Почему он так поступил? Его столько раз в жизни травили за молчание при обсуждении и осуждении оппозиционеров на партсобраниях, что он мог всерьёз опасаться очередного витка преследований. Но ход последующих событий подсказывает печальный вывод: для Стэна к трагическому концу по своему вели оба пути, и молчание, и выступление. Потому, что он не мог быть политическим лицемером и заниматься идеологической казуистикой и интригами. Он обладал умом учёного, который исходит из фактов и каждый раз увлекается построением теоретического обобщения, чтоб проникнуть в сущность происходящего.

И Я.Э. Стэн совершил подряд два «страшных преступления». Он стал отвечать на поставленный вопрос с наивностью истинного учёного, то есть,

¹ А.И. Колганов приводит другую формулировку названия: «“Феноменология духа” Гегеля в свете учения “Капитала” Маркса». Но мы опираемся здесь на собственноручную автобиографию Я.Э. Стэна из: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 138210.

исходя из действительных исторических фактов и попытался теоретически объяснить его по существу. Он не стал отрицать тех очевидных фактов, что оппозиционеры, признанные теперь «шпионами, предателями и убийцами», сами были недавно вождями партии, а произошедшие изменения попытался объяснить, выстроив собственную теоретическую схему политической эволюции страны: пока было сильное давление извне, шла вооружённая интервенция, внутривнутрипартийные разногласия не принимали острой формы; позже на первый план выдвинулись внутривнутриполитические и народнохозяйственные задачи, и конфликты по поводу путей развития страны привели к расколу.

Политикан с чутьём, подобный М.Б. Митину, никогда не поступил бы так. Чтобы остаться в подобной ситуации идеологически правоверным, нужно было сознательно пойти на ложные и абсурдные утверждения. Нужно было, игнорируя факты, заявить, что партия во все периоды истории одинаково решительно боролась с «оппозиционерами», то есть, с теми, кого за таковых признали только теперь, а сам вопрос объявить провокацией и попыткой подорвать престиж партии. Как правильно отмечал В.З. Роговин, до открытых «Московских процессов» 1936-1938 гг. «главным средством искоренения “троцкизма” были партийные чистки, на которых “троцкистами” называли не только недовольных положением в стране рабочих, но и всех учёных и публицистов, добросовестно приводивших исторические факты и цитаты, противоречащие официальной лжи. В результате духовная атмосфера страны насквозь пропиталась отравой обмана, фальши и прямых идеологических и исторических подлогов»¹. Я.Э. Стэн так и не смог перенять эту иррациональность мышления идеологизированного и насквозь лицемерного общества.

Обрадованные тем, что Я.Э. Стэн «подставил» себя, члены парткома БСЭ и ГИЗа организовали 15 апреля 1935 г. партсобрание для его осуждения. Показательно, что никто из них не позаботился найти истинного виновника происшествия и выяснить, кто же задал пресловутый вопрос. Волновало одно – как заклеить Я.Э. Стэна и избавиться от него. Ему не дали возможность ознакомиться со стенограммой партсобрания, чтобы подготовиться к защите. Сам Я.Э. Стэн не доверял составленной стенограмме, считая, что в ней могут быть неточности. В начале обсуждения его персонального дела он утверждал, что мог допустить отдельные неправильные формулировки, но никак не собирался «протаскивать контрреволюционную троцкистскую контрабанду». Он стремился лишь пояснить качественный «скачок в диалектическом процессе исторического развития» страны и партии. На Я.Э. Стэна набросились все, включая и докладчика предыдущего партсобрания, персонально ответственного за сложившуюся ситуацию, при которой «отпор на политическую провокацию» не был дан. Происходил классический идеологических шабаш по модели «Я романа не читал, но решительно осуждаю его автора»: «Я не слышал выступления т. Стэна, но стенограмма меня удивила. В устах коммуниста, имевшего в прошлом ошибки, необходима

¹ Роговин В.З. 1937. М., 1996. С. 143.

особая точность формулировок...»; «Я не был на собрании 9 апреля, но сегодняшнее выступление т. Стэна совершенно неудовлетворительно...» и пр. Особенно раздражала коллег предпринятая Я.Э. Стэном попытка без хлестких политических формул теоретически осмыслить политические изменения в стране. Разумное объяснение воспринималось как «оправдание» оппозиции: «В своём выступлении т. Стэн пытался подводить философскую базу, чем ещё больше запутал вопрос»; «Получается, что партия была в блоке с троцкизмом и не видела его контрреволюционной сущности...» и пр. Сказывалась несовместимость философа и ограниченно и политизировано мыслящих людей.

Я.Э. Стэн в ходе собрания наконец-то понял, в чём его обвиняют: «Я считаю, что моя основная ошибка в том, что я не понял политического смысла поставленного вопроса. Я почувствовал, что на этот вопрос надо ответить серьёзно, так как на него никто не ответил. Я слишком занялся теоретическим комбинаторством вместо того, чтобы дать чёткий политический ответ». Партийная дама из руководства ГИЗа, ведущая собрание обвинила членов парткома в том, что те «запоздали с постановкой этого вопроса», хотя времени с предыдущего собрания прошло меньше недели. Партком допустил «антипартийное, небольшевистское выступление», «не раскритиковал, не раскрыл троцкистское утверждение» и пр. Я.Э. Стэну за «политическую ошибку троцкистского характера» был объявлен строгий выговор с предупреждением.

22 апреля 1935 г. Сокольнический райком ВКП(б) г. Москвы решение парткома БСЭ и ГИЗа отменил. На Я.Э. Стэна были «навешаны» дополнительные надуманные обвинения, на основании которых был сделан вывод, что Я.Э. Стэн «допустил определённые рецидивы троцкизма и не изжил ещё полностью своего троцкистского прошлого». «За антипартийную, троцкистскую клевету» райком исключил Я.Э. Стэна из партии.

25 апреля 1935 г. Я.Э. Стэн написал заявление в Партийную коллегию КПК по Московской области. Он утверждал, что некоторые «моменты в записи моей речи или пропущены или до неузнаваемости искажены. Запись мною не исправлялась, я её получил после долгих хлопот только 22 апреля». По поводу ряда возведённых на него необоснованных обвинений Я.Э. Стэн заметил: «Я воздерживаюсь от характеристики такого рода аргументации». Понимая, что без этого не обойтись, он написал о признании своих ошибок и о «непреходящих исторических заслугах» и «величии стратегического гения» Сталина. Касаясь под конец письма своего оппозиционного прошлого, Я.Э. Стэн написал: «Я не в состоянии бывшее сделать небывшим».

25 мая 1935 г. персональное дело Я.Э. Стэна рассматривала Партколлегия КПК по Московской области. Партколлегия подтвердила обвинение Я.Э. Стэна в том, что он «не вскрыл заключающийся в этом вопросе антипартийный смысл, не разоблачил содержащуюся в нём контрреволюционную клевету». Партколлегия поучала: «Важнейшей задачей Стэна было вскрыть и разоблачить неправильность самой постановки вопроса. Далее следовало заменить неправильную постановку вопроса

правильной, и уже потом перейти к его рассмотрению по существу». «Всё выступление Стэна носило чрезвычайно абстрактный, отвлечённый характер. Ни словом не обмолвился он о том, как партия боролась с его собственными ошибками». «В результате, выступление Стэна превратилось вместо опровержения в фактическую защиту контрреволюционной и злостной клеветы». Всё же, Партколлегия КПК по Московской области вернулась к прежней мере наказания – строгому выговору. У Я.Э. Стэна оставался ещё год жизни на свободе.

3 августа 1936 г. Я.Э. Стэн был арестован. 10 августа 1936 г. Железнодорожный райком ВКП(б) г. Москвы исключил Я.Э. Стэна из партии «как неразоружившегося троцкиста». Составляя 19 сентября 1936 г. справку по обвинению Я.Э. Стэна, майор госбезопасности написал, что якобы Я.Э. Стэн как один из руководителей «левацкой» группы вошёл в подпольный «центр объединённого троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», что он был «одним из инициаторов создания блока на основе признания террора единственным методом борьбы с ВКП(б)». Это означало расстрельную статью. 22 сентября 1936 г. Партколлегия Комиссии партийного контроля ВКП(б) заочно исключила Я.Э. Стэна из партии «как контрреволюционера». 27 февраля 1937 г. фамилия Я.Э. Стэна была включена в составленный в НКВД расстрельный список, утверждённый Сталиным и членами Политбюро ЦК ВКП(б). Почему-то решение о смертном приговоре в отношении Я.Э. Стэна не было вовремя исполнено, и его фамилия попала в новый список, утверждённый 14 июня 1937 г.¹

19 июня 1937 г. Я.Э. Стэн был приговорён к расстрелу Военной коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в том, что он «под руководством объединённого центра вёл работу по созданию боевой террористической группы, подготавливавшей совершение террористических актов над руководителями ВКП(б) и членами Советского правительства». В суде Я.Э. Стэн утверждал, что «знал о террористической тактике троцкистов», и до 1932 г. возглавлял террористическую группу, но после ареста и осуждения в 1932 г. отошёл от антисоветской деятельности. Подобный самоговор можно объяснить только одним: циничной игрой следователей с подследственным. Очевидно, Я.Э. Стэн вынужден был пойти на признательные показания, рассчитывая на известное правило юриспруденции: не может быть два наказания за одно преступление. Но подобные правила для следователей НКВД имели значение лишь как средство психологического давления. Им нужно было выжать признательные показания. Заодно обвинение 1932 г. было искажено в нужном следствию духе: в 1932 г. никакой речи о терроре не шло. 20 июня 1937 г. Я.Э. Стэн был расстрелян.

Посмертная реабилитация Я.Э. Стэна, начавшись в 1956 г. по инициативе его вдовы В.Л. Стэн, затянулась на более чем тридцать лет, но это уже другая история. Из тех, кто был виновен в его гибели, возмездие, хотя бы

¹ Кривоносов Ю.И. Учёные в сталинских списках // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 2.

в слабой форме настигло М.Б. Митина, лишившегося в 1967 г. поста главного редактора журнала «Вопросы философии» из-за совершённого им и вскрывшегося плагиата написанной Я.Э. Стэном статьи «Философия» для 57-го тома первого издания БСЭ¹. Ситуация с персональным делом М.Б. Митина подробно освещена в литературе². Действительно, даже без собранных в 1967 г. фактических доказательств, достаточно взглянуть на эту статью, раскинувшуюся на более чем 50 страниц убористого шрифта, чтобы понять, что М.Б. Митин никоим образом не обладал необходимыми для её написания знаниями и философской культурой. Присвоив статью, М.Б. Митин добавил лишь пару абзацев, в которых «клеимся» её истинный автор. Нелишним будет процитировать их для характеристики и времени, и нравственного облика действовавших в нём лиц: «Беспощадным резцом марксистского анализа Сталин вскрыл в 1930 буржуазно-меньшевистскую природу попыток ревизии марксистской философии со стороны деборинской группы. Он определил эту ревизию марксистской философии как меньшевистскую идеализм. Время, протекшее после 1930, показало, насколько прозорливо и глубоко была разоблачена Сталиным природа этой ревизии марксистской философии. В лице своих руководителей и “идеологов” (Карева, Стэна) и подавляющего большинства своих приверженцев меньшевистствующий идеализм оказался прямой агентурой троцкизма и зиновьевщины на философском фронте, идеологическим прикрытием антипартийной и антисоветской террористической деятельности троцкистско-зиновьевской банды»³. В этих словах заключено не только оправдание свершившихся репрессий, но и санкционирована широкая программа по физическому уничтожению советских философов, по дискредитации и изъятию из оборота их произведений и идей.

Не убоавшийся партийных инквизиторов

Среди философов 1920-х – 1930-х гг. обращает на себя внимание мужественная фигура В.И. Невского, который до А.М. Деборина был директором Института научной философии РАНИОН, а затем – действительным членом Института философии Комакадемии.

В справочных изданиях В.И. Невский квалифицируется как историк, но сам он считал себя прежде всего философом. О признании его в этом качестве в те годы говорит тот факт, что первое послереволюционное прижизненное издание «Материализма и эмпириокритицизма» В.И. Ленина вышло в 1920 г., а в 1923, 1925 и 1928 гг. переиздавалось с послесловием В.И. Невского. Это

¹ Мы не касаемся здесь вопроса об авторстве репрессированных впоследствии А.В. Щеглова и В.К. Серёжникова.

² Зись А.Я. У истоков журнала «Вопросы философии» // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 45; Садовский В.Н. «Вопросы философии» в шестидесятые годы // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 43-44; Митрохин Л.Н. «Докладная записка»-74 // Там же. С. 51-52; Соловьёв Э.Ю. Позвольте объявиться // Там же. С. 69.

³ Большая советская энциклопедия. 1-е изд. М., 1936. Т. 57. С. 498.

было санкционировано самим В.И. Лениным. Философские публикации В.И. Невского были посвящены, в основном, мировоззренческим проблемам философии естествознания¹. Он был нетерпим в отношении любых проявлений философского идеализма, но, как пишет П.В. Алексеев, «его критика ряда крупных естествоиспытателей того времени, занимавших немарксистские позиции, была в основном дружественной, нацеленной на привлечение их к совместной работе с философами-марксистами»².

У В.И. Невского была богатая революционная биография: организация революционного кружка на естественном факультете Московского университета и первый арест в 1899 г., знакомство в 1904 г. с В.И. Лениным, 11 арестов, несколько лет заключения в тюрьмах и военный суд, несколько ссылок, из которых бежал, участие в I конференции и IV съезде РСДРП, избрание в члены Русского бюро ЦК в 1912 г. и кандидатом в члены ЦК в 1913 г., участие в руководстве «Правдой». При этом он сумел окончить Харьковский университет, при котором затем был оставлен и работал ассистентом, вел лабораторию и читал лекции по физике³. В 1917 г. он был одним из организаторов Красной гвардии, членом Военно-революционного комитета и участвовал в дни революции в захвате железнодорожных вокзалов и штаба Петроградского военного округа⁴. В 1918-1919 гг. он был наркомом путей сообщения и членом Реввоенсовета РСФСР, а затем зав. отделом ЦК РКП(б) по работе в деревне.

В 1921 г. он возглавил Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова, в 1923 г. Институт научной философии РАНИОН, в 1924 г. «Ленинку», одновременно ведя в Комакадемии исследовательскую и преподавательскую работу в Институте философии, а затем в ИКП по истории революционного движения⁵. Именно благодаря его усилиям была проведена реорганизация библиотеки и началось строительство её нового здания⁶.

Жизнь его была по канонам времени вполне героической, и в этом отношении он не только не уступал Сталину, но и превосходил его. Он не участвовал ни в левой, ни в правой оппозиции, отказался в своё время поддержать Л.Д. Троцкого, который приезжал к нему в «Ленинку» со всей

¹ Невский В.И. Современное естествознание и материализм Маркса и Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2-3. С. 133-152; Его же. Марксизм и естествознание // Там же. 1923. № 11-12. С. 200-213; Его же. Новая книга о Дидро // Воинствующий материалист. 1924. № 1. С. 20-32; Его же. Хорошие работы естествоиспытателей и нехорошие выводы из них // Воинствующий материалист. 1925. № 3. С. 19-30.

² Алексеев П.В. Философы России XIX – XX столетий. М., 2002. С. 672.

³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 9747.

⁴ Реввоенсовет Республики. М., 1991. С. 259.

⁵ Чесноков В.И. Борьба В.И. Невского за марксизм // Вопросы философии. 1965. № 9. С. 132-140; Клушин В.И. Роль В.И. Невского в марксистском истолковании истории (1918 – 1925 гг.) // Философские науки. 1970. № 1. С. 130-137.

⁶ Белоусова Г.А., Коваль Л.М. Мастера русской историографии: Владимир Иванович Невский (1876 – 1937) // Исторический архив. 2008. № 1. С. 101-116.

своей свитой. Но В.И. Невский был старым большевиком и переделать себя не мог. То, что произошло с В.И. Невским, в точности подпадает под вариант, описанный Р. Такером: «Имели место случаи, когда старые революционеры относились к Сталину свысока, но не потому, что они играли активную роль в оппозициях, а из-за того, что не могли серьёзно рассматривать его в роли ведущего лидера большевиков или теоретика марксизма», и «не разделяли точку зрения Сталина о самом себе»¹.

Он был человеком принципиальным, с сильным характером, человеком непосредственным и прямым, не укладывавшимся в привычные и отмеренные рамки. Когда в 1929 г. В.И. Невский узнал, что принято решение о сносе Чудова и Вознесенского монастырей в Московском Кремле, он написал резкое письмо Сталину, протестуя против «разрушения величайшего исторического памятника». Он писал: «Не думаю, чтобы французский пролетариат, взявши власть, стоял бы за разрушение Notre Dame de Paris или Лувра... Правительство Николая Палкина некогда ради возведения нелепого дворца, портящего Кремль, разрушило дивную постройку XVII в.; неужели наше Рабоче-крестьянское правительство сделает нечто подобное, вдвинувши казармы нового стиля в обстановку XVI и XVII века?»². Можно себе представить, что испытывал Сталин, читая подобные сравнения.

Когда в 1930 г. по «академическому делу» были арестованы десятки русских учёных, в том числе – сотрудников «Ленинки», В.И. Невский публично, на партийных собраниях говорил о невинности арестованных, «подрывая авторитет ОГПУ». 29 мая 1933 г. он передал на имя М.И. Калинина ходатайства об освобождении от ссылки С.В. Бахрушина и матери Л.В. Черепнина, а в сопроводительном письме просил М.И. Калинина вернуть из ссылки С.В. Бахрушина и Л.В. Черепнина. Чрезвычайно характерно для В.И. Невского, что в рукописном подлиннике письма причины ссылки этих видных русских историков он объяснял тем, что они «честно и откровенно признались в том, что они думали, и что не подписали признания в преступлении, коего они не совершали». И лишь в официально отправленной бумаге он был вынужден заменить эту фразу на «они уже давно поняли свои ошибки и честно осознали свои заблуждения»³.

В 1935 г. В.И. Невский был арестован⁴. На него показал один из его учеников, с которым В.И. Невский порвал отношения, узнав о его недостойном поступке. Когда этот человек был арестован по обвинению в оппозиционной деятельности, он оговорил своих более талантливых и порядочных собратьев и учителя, заявив, что, собираясь, они «критиковали политику партии и правительства и прямо дискредитировали т. Сталина».

¹ Такер Р. Сталин. Путь к власти. М., 1990. С. 400.

² Белоусова Г.А. «В общественной жизни свобода – главная основа успешного развития». Из переписки В.И. Невского. 1925 – 1934 гг. // Исторический архив. 2007. № 2. С. 10-11.

³ Зеленов М.В. В.И. Невский и «Академическое дело» // Исторический архив. 1995. № 3. С. 203.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 10015.

Органами НКВД были арестованы любимые ученики В.И. Невского и в Москве и в Саратове, а на него самого стали «собирать материал». В частности, секретарь Фрунзенского райкома партии вызывал для бесед сотрудников «Ленинки». Выяснилось, что В.И. Невский говорил о себе, как о большевике «первого поколения», а о некоторых членах Политбюро ЦК ВКП(б), как о большевиках «четвёртого поколения». О Сталине же он высказывался так: «Вы, молодёжь, перевозносите Сталина, а я, вступивший с ним одновременно в партию, не могу к нему так относиться, я отношусь к нему как к равному. Сталин только выполняет то, к чему пришёл Ленин – самостоятельного у него нет». Кроме того, В.И. Невский «говорил о необходимости свободы мнений и свободы критики». Ученики на допросах показали, что в разговорах с В.И. Невским «положение на научном фронте определялось нами как “зажим”, и в связи с этим обычно критически говорилось о роли тов. Сталина как вождя на теоретическом фронте»; «при этом наиболее резким по форме выражения своих взглядов и оценок был Невский». В целом, показания эти были выполнены как «под копирку» и изложены типичным для составителей протоколов слогом и формулировками. К совокупности «преступлений» добавилось то, что В.И. Невский предложил ходатайствовать за оставление на работе женщины, у которой арестовали мужа, и что ряд сотрудников «Ленинки» служили по совместительству в германском и австрийском посольствах.

Этого оказалось достаточно, чтобы предъявить В.И. Невскому обвинение в оппозиционных настроениях и антипартийной работе. 6 февраля 1935 г. его вызвали на допрос в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов и Е.М. Ярославский. В.И. Невский держал себя в этой ситуации с необыкновенным мужеством и благородством. Его стали спрашивать, считает ли он, что его «оттёрли» от руководящих постов люди, которых он считает более молодыми товарищами. В.И. Невский парировал М.Ф. Шкирятову: «Сталин и Молотов – одних со мной лет, да и Вы тоже». Затем у него стали добиваться признания о «расхождениях с партией», неопределённо ссылаясь на высказывания его учеников. Реальных фактов у партийных «инквизиторов» не было, и им приходилось «ходить вокруг да около», пытаясь выудить что-нибудь у самого В.И. Невского. В.И. Невский счёл для себя унизительным оправдываться: «Я всегда верой и правдой служил партии, не участвовал ни в какой оппозиции. Позорно мне защищаться. Вы можете со мной сделать всё, что угодно. От своих убеждений я не отступлюсь. Мне 58 лет, чего мне бояться: исключите из партии – мне будет очень тяжело, я не знаю, что я тогда сделаю; в тюрьму заключите, жизни лишите, ну, значит, партия выше меня, считает необходимым так сделать. Но моё субъективное сознание останется тем же – я ни в чём не повинен перед партией». Допрашивавшие стали тогда «цепляться» за слова: В.И. Невский сказал, что у него в основном нет расхождений с линией партии – стали допытываться, нет ли расхождений «не в основном». «Товарищ Шкирятов, - сказал В.И. Невский, - Вы хотите меня заставить сознаться в том, что я не делал». Ученикам своим он дал превосходные характеристики.

Видя, что не могут добиться от В.И. Невского признаний, М.Ф. Шкирятов и Е.М. Ярославский запаслись полученными в НКВД показаниями его учеников, вызвали его через день, 8 февраля 1935 г. на допрос и зачитали ему эти показания. При этом его иезуитски спрашивали, продолжает ли он придерживаться прежнего мнения о своих учениках. В.И. Невский повёл себя неожиданно для допрашивавших. Он отверг предъявленные показания как лживые, а данную прежде оценку талантов и преданности режиму учеников не изменил. Когда М.Ф. Шкирятов в недоумении спросил его: «Вы дали прекрасную характеристику своим ученикам. Когда Вам начинают зачитывать их показания, Вы говорите, что это ложь. Как это объяснить?», В.И. Невский ответил: «Ничем не могу объяснить, кроме, как страхом наказания. Мы доверяем документам. Документы пишутся людьми. Люди во всяких обстоятельствах говорят разное. Люди становятся в тюрьме предателями, провокаторами. Вы же прекрасно это знаете по царской тюрьме». М.Ф. Шкирятов был неприятно шокирован эти заявлением и попытался одёрнуть В.И. Невского: «Наша тюрьма и наша власть, совсем другое, и незачем её ровнять с прошлой тюрьмой».

Партийным «инквизиторам» всё же удалось спровоцировать В.И. Невского на необходимое для них неосторожное высказывание, которое можно было, исказив смысл, выдать за «признание вины». Когда от него в очередной раз потребовали сознаться, В.И. Невский в сердцах заявил: «Что Вы хотите от меня? Чтобы я сознался в том, в чём я не виноват? Я разделяю основные положения программы партии, для меня могут быть неясны некоторые вопросы, но бороться с партией, пропагандировать антипартийные установки я не стану. Для тех, кто это делает, есть два пути: Зиновьев 20 тыс. раз каялся и снова принимался за то же, или – борьба настоящая. Я метода зиновьевцев не придерживаюсь. Если бы я хотел бороться с партией, я бы избрал второй путь». В этом, как и во всём поведении В.И. Невского, сказывался старый большевик. В завершение разговора от В.И. Невского потребовали вспомнить и написать, где и когда он выступал в поддержку линии партии. В.И. Невский ответил с бесстрашной иронией, которая отличает в подобной ситуации людей с высоко развитым чувством собственного достоинства: «Если Вы меня сегодня ночью не арестуете, я постараюсь найти Вам даты и адреса».

13 февраля 1935 г. М.Ф. Шкирятов написал Н.И. Ежову и Л.М. Кагановичу, что к В.И. Невскому надо применить репрессивные меры, мотивируя это его искажёнными высказываниями на допросе в КПК и «показаниями» арестованных учеников. 15 февраля 1935 г. В.И. Невский был исключён из партии, 19 февраля арестован, 5 мая приговорён внесудебным органом – Особым совещанием при НКВД к пяти годам заключения в ИТЛ и заключён в Суздальский политизолятор, в который был превращён один из монастырей древнего города – Спасо-Евфимиевский.

В этот период, когда наркомом внутренних дел ещё оставался Г.Г. Ягода, сам бывший старым большевиком, сохранялись традиции особых условий содержания политзаключённых, которым позволялось

переписываться, читать газеты, брать книги из тюремной библиотеки и получать их по почте от родственников. В.И. Невский постоянно просил родственников присылать ему книги по естествознанию и философии. Получив только что вышедшую книгу «Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности», он написал родным по поводу предисловия к этой книге, в котором в традициях того времени прославлялся Сталин: «Ни историей, ни политэкономией, ни даже актуальной философией здесь заниматься нельзя, т. к. нет главного – иностранных журналов, чем я располагал на воле. Будь они здесь, я написал бы большую работу об упадке западноевропейской философии в области естествознания (досталось бы и нашим отечественным “философам”, какой бы масти они ни были, в особенности, невеждам, пишущим “философические” примечания к классикам естествознания и таким философам как Демокрит). Видел я эту книгу и был поражён невежеством писавшего большую статью и примечания. Припутал даже нашего гениального учителя, да так, что, прямо, совестно»¹. Согласно воспоминаниям сокамерника, В.И. Невский нещадно ругал Сталина.

Осенью 1936 г. В.И. Невского вновь привезли в Москву. Его готовили к процессу Бухарина и Рыкова. Из других арестованных выбили показания о том, что он руководил террористической группой правой оппозиции. Но В.И. Невского не удавалось сломить; он не признавал своей вины и упорно отрицал свою причастность к этой группе. Краугольного камня сталинской юридической системы – признательных показаний – не было. Тогда следователь пошёл на изошрённую подлость, которая, однако, должна была сработать, и действительно сработала в отношении старого большевика – сыграл на воспитанной десятилетиями абсолютной преданности партии. 24 октября 1936 г. В.И. Невский дал признательные показания, поскольку следователь убедил его, что это необходимо во имя высших интересов партии для осуждения Бухарина и Рыкова. Подобный поступок не должен удивлять. Даже на открытых «Московских процессах» некоторые из действительно твердокаменных большевиков «признавались» в мифических преступлениях не столько под влиянием пыток, сколько считая, что хотя бы так они могут послужить своей стране. «Они завоевали Советскую власть, боролись за неё долгие годы и теперь надеялись на сохранение хоть каких-то её завоеваний, - писал об этом сложном психологическом комплексе В.З. Роговин. Эта сверхличная цель стояла для них выше сохранения своей личной чести и человеческого достоинства»².

Поняв свою ошибку, В.И. Невский 19 февраля 1937 г. написал на имя наркома внутренних дел СССР заявление, в котором отказался от данных показаний. Но это заявление следователь не приобщил к делу, и оно было подшито в дело лишь спустя 17 лет в процессе реабилитации В.И. Невского.

¹ Белоусова Г.А., Чернобаев А.А. «Я свою жизнь прожил честно» Письма В.И. Невского к дочери Марии из Суздальского политизолятора. 1935 – 1936 гг. // Исторический архив. 2008. № 1. С. 122.

² Роговин В.З. 1937. М., 1996. С. 172.

На суде В.И. Невский отказался от показаний, данных на предварительном следствии и объяснил причины их появления. Но это не имело для «суда» никакого значения. 25 мая 1937 г. он был приговорён к расстрелу и на следующий день расстрелян. 1 июня 1955 г. он был реабилитирован, а 16 июня 1955 г. восстановлен в партии¹.

Не сломленный сибирским застенком

Известно, что в годы сталинских репрессий погибли практически все «диалектики», деборинцы. К числу их относится и один из талантливейших учеников А.М. Деборина И.Я. Вайнштейн. Он был старшим научным сотрудником сначала в философской группе секции научной методологии Коммунистической академии, а затем – в Институте философии; после выхода его монографии о диалектике как методе он был избран действительным членом Института философии. После разгона деборинского состава Института он заведовал кафедрой диалектического материализма в МАИ. В 1935 г. квалификационная комиссия Института философии приняла единогласное решение о присуждении И.Я. Вайнштейну степени доктора философских наук без защиты диссертации, но решение вопроса в ВАКе было приостановлено из-за последовавшего ареста И.Я. Вайнштейна. О его трагической судьбе подробно рассказал в своих публикациях его сын С.И. Вайнштейн.

В конце июля 1936 г. И.Я. Вайнштейн уехал отдыхать в санаторий в Крым. Он должен был вернуться 20 августа, но ни тогда, ни в сентябре он не вернулся, семья ничего не знала о его судьбе. Жена И.Я. Вайнштейна Ф.И. Коробова (Литвин) посылала запросы в Крым, справлялась на работе мужа в МАИ, и, наконец, в приёмной НКВД узнала, что И.Я. Вайнштейн 28 августа 1936 г. арестован и заключён в Бутырскую тюрьму. При обыске у него на квартире была изъята только что законченная рукопись его работы, объёмом около 800 машинописных страниц, которую И.Я. Вайнштейн считал важнейшим трудом своей жизни. Рукопись погибла в результате ареста.

С.И. Вайнштейн, на основании знакомства с уголовным делом отца, находящемся на хранении в ЦА ФСБ (№ Р – 7591), пишет, что «первоначальные обвинения были основаны на доносах, что он имел “близкую связь с Дебориным, Стэнном, Каревым, Лупполом”, характеризовал политическую кампанию в стране, которая “развернулась после опубликования письма тов. Сталина в редакцию журнала “Пролетарская революция” как “Варфоломеевскую ночь”», утверждал, что “при нынешнем руководстве ВКП(б) научная мысль оскудевает, развитие её тормозят, не дают работать”»².

¹ Следователь, ведший его дело, был осуждён 28 января 1940 г. за применение незаконных методов следствия и фальсификацию уголовных дел.

² Вайнштейн С.И. Вайнштейн Израиль Яковлевич // Алексеев П.В. Философы России XIX – XX столетий. М., 2002. С. 161.

Жена И.Я. Вайнштейна продала всё, что ещё модно было продать, носила передачи в Бутырскую тюрьму; потом их перестали принимать. Она вспоминала: «Я решила пойти к М.Б. Митину – одному из руководителей Института философии, который, как я была убеждена, сможет чем-то помочь, посоветовать, как быть. Я вошла с надеждой в светлую комнату дирекции Института философии и обратилась к восседавшему там Митину. Узнав, что я жена репрессированного Вайнштейна, он с нескрываемо злым и холодным выражением лица сказал: «Без несомненной вины у нас никого не арестовывают. Я ничем не могу помочь». И, посмотрев на часы, встал, давая понять, что ему некогда. Я возразила, что он ведь много лет знает Вайнштейна, что тот всегда был марксистом-ленинцем. Резко оборвав меня, Митин буквально закричал, чтобы я немедленно, сию секунду покинула его кабинет, иначе он вызовет милицию и меня уведут куда следует... Не имея сил сдерживать рыдания, я вышла»¹.

Несмотря на более чем семимесячное следствие, в ходе которого И.Я. Вайнштейна принуждали признать себя виновным в принадлежности к «контрреволюционной троцкистской террористической организации», это обвинение он полностью отрицал и в процессе следствия, и на заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР². В очных ставках с теми, чьими показаниями он изобличался, И.Я. Вайнштейну было отказано. 9 апреля 1937 г. он был приговорён к восьми годам заключения с конфискацией имущества и этапирован в тюрьму г. Мариинска Западно-Сибирского края.

В мае 1937 г. И.Я. Вайнштейну удалось переправить жене письмо: «Дорогая Фрида, наконец есть возможность написать тебе. Большое спасибо за передачи в Бутырской тюрьме. Пиши немедленно, как сын, как с квартирой, как мои рукописи. Не знаю, за что я должен быть в разлуке с вами, ведь я никогда не был троцкистом, не был террористом, не был шпионом. Осудили меня как террориста и шпиона на восемь лет тюремного заключения. Ведь меня все знают, ты меня знаешь. Пусть Севонька знает, что его папа ни в чём не виноват, что всю жизнь он отдал науке, что всегда был честен и предан партии. Обнимаю, целую. Израиль»³.

Как вспоминает С.И. Вайнштейн, «затем было ещё несколько коротких писем. А в декабре 1937 г. в конверте с адресом, написанным незнакомой рукой, мы получили довольно подробное письмо отца. Он писал, что был арестован в конце августа 1936 г. Следователь сразу же начал всеми дозволенными и особенно недозволенными средствами принуждать его к признанию в том, чего никогда не было, – в троцкизме, терроризме, вредительстве и шпионаже. Отец писал, что семь месяцев – до самых последних сил своих – он отстаивал свою честь коммуниста, боролся за правду. Но нечеловеческие истязания, не прекращавшиеся ни днём, ни ночью, сломали его. Потом состоялся безобразно скорый и неправый суд Военной

¹ Вайнштейн С.И. Судьба моего отца // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 161.

² Вайнштейн С.И. Вайнштейн Израиль Яковлевич // Алексеев П.В. Философы России XIX – XX столетий. М., 2002. С. 161.

³ Вайнштейн С.И. Судьба моего отца // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 161.

коллегии. На котором он заявил о своей невинности, но его даже не выслушали, осудили и отправили по этапу в Мариинск. Просил мать обратиться к Сталину о пересмотре его дела, особенно просил сохранить рукопись его последнего, неопубликованного труда»¹.

Ф.И. Коробова написала письмо Сталину, в котором рассказала о том, что произошло с И.Я. Вайнштейном, о его трудном пути самоучки, революционера, о его участии в Гражданской войне, о его бескорыстной научной работе, о вере в победу коммунизма, и очень просила о пересмотре дела. В письмо она вложила труды И.Я. Вайнштейна, в том числе книгу «Гегель, Маркс, Ленин», и его последнее письмо из заключения. Это была роковая ошибка: разглашение на воле того что происходит за колючей проволокой Гулага было по тем временам страшным преступлением, за которым следовала смертная кара. Ф.И. Коробова всю жизнь мучилась сознанием того, что стала невольной виновницей гибели мужа.

Но на трагический исход жизни И.Я. Вайнштейна оказало влияние не только это. Повторное обвинение И.Я. Вайнштейна было основано на доносах, в которых говорилось что в тюрьме среди заключённых он утверждал о невинности большинства репрессированных, среди которых много рабочих и крестьян – и это в государстве, провозгласившем рабоче-крестьянскую власть, о недовольстве населения сталинской политикой, которая в дальнейшем приведёт к крушению Советского Союза. Сказался характер И.Я. Вайнштейна, давший ему силы не признать себя виновным при допросах на Лубянке. И в сибирском застенке он не прекратил борьбу, не смирился. В справке начальника тюрьмы, на основании которой была осуществлена внесудебная расправа над И.Я. Вайнштейном, говорилось, что он «восхвалял врагов народа, нарушал правила тюремного режима и оскорблял надзирательский состав»². 16 января 1938 г. Тройкой УНКВД по Западно-Сибирскому краю И.Я. Вайнштейн был приговорён к расстрелу, и 19 января 1938 г. расстрелян³. У его семьи отобрали квартиру, остававшиеся в ней рукописи погибли.

В 1957 г. вдова И.Я. Вайнштейна добилась его реабилитации. Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила 26 марта 1957 г. приговор 1937 г., а 2 апреля 1957 г. приговор 1938 г. в отношении И.Я. Вайнштейна. В ходе проверки выяснилось, что в деле того подследственного, на основе показаний которого И.Я. Вайнштейн был арестован в 1936 г., нет этих самых показаний, которые ему цитировались и предъявлялись в обоснование обвинения. Что касается второго, смертного, приговора, то тут, кроме голословной справки начальника тюрьмы, вообще, не было никаких объективных доказательств вины. Видимо, упорство И.Я. Вайнштейна, которого нельзя было заставить

¹ Там же.

² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 2226.

³ Вайнштейн С.И. Вайнштейн Израиль Яковлевич // Алексеев П.В. Философы России XIX – XX столетий. М., 2002. С. 161.

лжесвидетельствовать против себя, вынудило как московских, так и мариинских следователей идти на фальсификацию.

В годы войны

Репрессии в отношении сотрудников Института философии продолжались и в годы Великой Отечественной войны. В 1943 г. был арестован бывший старший научный сотрудник Института Г.Г. Андреев. Г.Г. Андреев окончил МИФЛИ и аспирантуру, и накануне начала войны защитил кандидатскую диссертацию по философии П.Л. Лаврова. В 1941 г. он пошёл добровольцем на фронт, затем в 1942 г. был демобилизован и работал в Институте философии и, одновременно, деканом философского факультета МГУ¹. В феврале 1943 г. Г.Г. Андреев был направлен на дипломатическую работу в Лондон, а в ноябре 1943 г. вызван в Москву и арестован².

Прибыв в декабре 1941 г. в Москву и явившись в наркомат иностранных дел, Г.Г. Андреев с удивлением узнал, что никакого указания о его вызове НКВДское начальство не давало, но ему порекомендовали явиться на приём к В.Г. Деканозову. Г.Г. Андреев явился в приёмную Деканозова, ставленника Берия в наркомате иностранных дел. Из кабинета Деканозова вышел работник НКВД и попросил пройти в здание НКВД для беседы «минут на 30-40». Г.Г. Андреев был приведён во внутреннюю тюрьму НКВД и там арестован. Через 12-14 часов после ареста он был вызван на допрос. Обвинение ему предъявлено не было. Г.Г. Андреев заявил, что не совершал никаких преступлений, и потребовал передать вопрос в КПК при ЦК ВКП(б)³. В ответ он услышал лишь грубые окрики. Затем в течение двух недель шли допросы, назначение которых было – вымотать физические и нравственные силы и «убедить» в бесполезности отстаивать свою невиновность, в решённости предстоящего осуждения. Первые десять суток его постоянно лишали сна. Все вопросы следствия в этот период сводились к тому, когда он познакомился с доцентом МГУ М.Г. Седовым, сколько раз с ним встречался, и что М.Г. Седов говорил о секретаре ЦК ВЛКСМ О. Мишаковой. Так стала проясняться причина ареста.

С О. Мишаковой Г.Г. Андреев никогда не встречался, а вот М.Г. Седов имел с ней дело, когда работал заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. О. Мишакова – характернейшая личность того времени. На её совести гибель многих комсомольцев, включая генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А.В. Косарева. Она работала инструктором ЦК ВЛКСМ и была направлена в качестве представителя ЦК ВЛКСМ на областную комсомольскую конференцию в Чебоксары. Здесь она

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 86845.

² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 14842.

³ Г.Г. Андреев, находясь в тюрьме, не знал, что КПК заочно исключил его из партии как арестованного органами НКВД.

добилась исключения из комсомола секретарей обкома ВЛКСМ и занялась разоблачением «врагов народа». Бюро ЦК ВЛКСМ 15 марта 1938 г. осудило деятельность Мишаковой, в результате которой «люди честные, преданные партии, зачислялись в разряд политически сомнительных, а то, и пособников врагов народа»¹ и сняло её с должности. Но решение это не было выполнено. Мишакова заручилась мощной поддержкой Берия. В августе 1938 г. формулировка решения была исправлена на «по личной просьбе с предоставлением отпуска». Но Мишакову это уже не удовлетворяло. 7 октября 1938 г. она написала письмо Сталину, в котором «оклеветала многих партийных и советских работников, называя их врагами народа, а себя представила пострадавшей за борьбу с ними»². 13 ноября 1938 г. бюро ЦК ВЛКСМ было вынуждено восстановить Мишакову на работе «как неправильно освобождённую». А 19 – 22 ноября 1938 г. с участием Сталина и других членов Политбюро ЦК ВКП(б) прошёл пленум ЦК ВЛКСМ, на котором А.В. Косарева и ещё четырёх секретарей ЦК ВЛКСМ сняли с должности за «бездушно-бюрократическое и враждебное отношение к честным работникам комсомола, пытавшимся вскрыть недостатки в работе ЦК ВЛКСМ, и расправу с одним из лучших комсомольских работников (дело тов. Мишаковой)»³. Косарев был вскоре арестован и расстрелян, а Мишакова стала секретарём ЦК ВЛКСМ.

Тогда то с ней пришлось работать М.Г. Седову⁴. Седов не мог смириться с той атмосферой, которую создавала в ЦК ВЛКСМ Мишакова: постоянная подозрительность, оскорбления работников, использование чужого труда при подготовке статей. Обращение в бюро ЦК ВЛКСМ обернулось для Седова снятием с должности. Тогда он поставил вопрос о Мишаковой в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Во время беседы с Седовым в марте 1940 г. руководитель Управления, будущий директор Института философии Г.Ф. Александров сказал Седову, что ему известно ненормальное положение в отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, но, поскольку всё это связано лично с О. Мишаковой, он решать вопрос не берётся, и предлагает Седову написать заявление в ЦК ВКП(б). После этого, в апреле 1940 г., Седов был вызван к секретарям ЦК А.А. Андрееву и Г.М. Маленкову, которые устроили ему жестокую выволочку, обвинив в клевете и охаивании лучшего комсомольского руководителя. Седов был исключён Комитетом партийного контроля из партии и уволен из ЦК ВЛКСМ. Седов перешёл работать в МГУ. Спустя год, Седов представил в КПК блестящие характеристики от секретаря партбюро Д.А. Кутасова и заведующего кафедрой И.И. Минца. Но началась война, Седов ушёл в народное ополчение. КПК принял решение рассмотреть вопрос о партийности Седова после предоставления им отзыва военкома воинской части. Демобилизовавшись в январе 1942 г., после решения об

¹ Александр Косарев. Сборник воспоминаний. М., 2003. С. 124.

² Трущенко Н.В. Косарев. М., 1988. С. 387.

³ Исторический архив. 1993. № 5. С. 77.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 14135.

отзыве с фронта лиц, имеющих учёную степень, Седов передал в КПК столь же блестящие характеристики от парторга роты и военкома части. Но, видимо, влияние Мишаковой было столь сильно, что КПК отказал Седову под надуманным предлогом, что им представлены партийно-политические, но не боевые характеристики. Седов продолжил работать в МГУ, и работал по сохранившимся отзывам очень хорошо, его любили и уважали студенты, ценили за оригинальность и яркость мысли коллеги. Новое его обращение в КПК нечем было бы парировать, а восстановление его в партии было бы признанием правоты его обвинений в адрес Мишаковой.

Мишакова не могла с этим смириться, и прибегла к средствам иного рода. Она решила уничтожить обидчика. Но по канонам того времени арест, так сказать, «с гарантией» должен был быть мотивирован участием человека в какой-либо «контрреволюционной группе», на «сборищах» которой, как минимум «велись антисоветские разговоры». При желании, такой группой могла оказаться любая компания сослуживцев, собравшихся дома в нерабочее время за рюмкой или стаканом чая. Так, под удар попали все, кто заходил к М.Г. Седову и имел с ним какое-нибудь личное общение. 26 августа 1943 г. органы НКВД арестовали М.Г. Седова. Были арестованы также заведующий отделением заочного обучения МГУ М.Ф. Иванов, и ещё два человека – П.Г. Абрамовский и А.И. Ведищев. Следователи стали добиваться от них признательных показаний в антисоветских разговорах. Г.Г. Андреев был арестован последним, так как находился за границей.

Через две недели после ареста Г.Г. Андрееву предъявили формальное обвинение, но мотивировки его названы не были, да их и не могло быть. «Скажите мне, в чём состоит моя вина, какие именно я совершил проступки, за что арестован и нахожусь в тюрьме?», спрашивал он, и слышал в ответ матерную брань, окрики и угрозы. Следствие на ходу стряпало обвинение, принуждало подтвердить и подписать сфальсифицированные показания. Все усилия следователя были направлены на то, чтобы путём крючкотворства, подтасовок, вымогательств, угроз, вынудить признать факт существования «контрреволюционной группы Седова». Во время очных ставок протокол вёлся строго по указания следователя, он говорил, что из показаний записывать, а что нет, сам же диктовал «скорректированные» формулировки ответов допрашиваемых. За время пребывания в тюрьме с Г.Г. Андреевым случилось два сердечных припадков, и на последние допросы его буквально волокли за руки. Следователям НКВД нужно было в любом случае добиться признательных показаний, и они были мастера на всякие уловки по этой части. Наконец, следователь поставил перед Г.Г. Андреевым «альтернативу»: или признаться в своей виновности, или дать показания на другого участника «группы»: «А не то, заставим сделать и то, и другое». Г.Г. Андреев ответил: «Я вижу, участь моя предрешена, на себя писать неправду, это дело касается меня одного, и я признаюсь виновным, но на других клеветать не буду». В возможности написать жалобу ему было отказано. 1 марта 1944 г. участникам группы вынесло приговор Особое совещание НКВД. М.Г. Седов был приговорён к десяти годам заключения, Г.Г. Андреев к восьми, остальные

тоже были осуждены. Г.Г. Андреев отбывал наказание в Воркутлаге и Печлаге.

В 1955 г. все проходившие по делу «группы Седова» были реабилитированы. Как было сказано в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР: «Седов был выведен как организатор антисоветской группы, Андреев и др. – как участники этой группы, а совместные их выпивки как антисоветские сборища».

Г.Г. Андрееву, после нескольких настойчивых обращений, направленных в КПК при ЦК КПСС, удалось вернуться в Москву и возобновить преподавательскую работу в МГУ¹.

* * *

Мы осветили только некоторые страницы основанной на документах истории репрессий в отношении советских философов-марксистов, сотрудников Института философии. История эта пока что не написана, и мы делаем здесь лишь первые, но нравственно необходимые шаги. Как верно отмечал А.Я. Зись, говоря «о репрессивной политике, жертвами которой были и наши товарищи по философскому “цеху”, об утратах, отзывающихся человеческой болью», нужно «называть имена забытые, а было их много. И каждое из них заслуживает упоминания. Мартиролог этот не должен быть предан забвению. И в этом не только долг перед памятью ушедших поколений, но и свидетельство течения интеллектуальной жизни».

¹ 30 октября 1954 г. генерал НКВД, курировавший дело «группы Седова» был расстрелян за свои преступления.